

A romantic couple is shown in a close embrace in a field of tall, golden grass. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a light-colored, sleeveless dress. She is also wearing a silver watch on her left wrist. The man, on the right, is wearing a dark, long-sleeved shirt. They are both looking at each other, and the woman's hand is resting on the man's shoulder. The background is a soft, out-of-focus field under a warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is romantic and intimate.

ПРИВЫЧКА НЕ НАВИДЕТЬ

Катя Саммер

Катя Саммер
Привычка ненавидеть
Серия «Trendbooks»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69758224
Привычка ненавидеть: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2023
ISBN 978-5-00211-286-9*

Аннотация

Она

Видеть Бессонова каждый день, всегда быть рядом. Раньше я мечтала об этом, теперь стараюсь быть тенью, чтобы он меня не замечал.

Он

Я ее сосед и ее враг. Звезда регби, универа и вожак стаи гиен, что портят ей жизнь после аварии, из-за которой моя мать прикована к больничной койке.

Он + она

В какой момент привычка ненавидеть дает сбой? В какой момент презрение превращается в нежность? А чувство вины – в страсть?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	48
Глава 6	61
Глава 7	72
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Катя Саммер

Привычка ненавидеть

Иллюстрация на обложке © KSENIA VERESHCHAK

© Катя Саммер, 2023

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Глава 1

Мика

– Конкистадоры беспощадно расправлялись с индейцами, – на чистом испанском рассказываю я Каменскому тему из вытянутого билета. – Они обращали их в рабство, заживо сжигали в запертых домах, казнили детей на глазах у родителей. Они проверяли на коренных жителях заточку мечей, заковывали индейцев в цепи и травили собаками. Однажды они даже привязали королеву инков к столбу и принялись стрелять в нее бамбуковыми стрелами, а потом... – Я говорю без остановки, так что даже дыхание убыстряется, но...

– Vale, vale! – прерывает мою пламенную речь профессор, уже открыв и листая зачетку. – Хватит, Мишель. – Он всегда называет меня полным именем. – Достаточно было перечислить главные задачи и периодизацию конкисты, но вы, естественно, пошли дальше. Похвально, похвально... – Каменский задумчиво потирает свою бороду с проседью, а я не могу даже вежливо улыбнуться ему в ответ. – У вас отличный словарный запас для второго курса. Надеюсь, в следующем году вы продолжите в том же духе. И всем остальным...

Нет-нет-нет! Я внутренне сжимаюсь, пропускаю вдох, будто, если не дышать, время замрет и профессор заткнется. Но он подается вперед, так что до меня доносится резкий

запах дешевого одеколона, облакачивается на стол и, строго оглядев студентов, открывает рот. Боже, да я готова умолять его, чтобы он не ставил меня в пример и не привлекал ко мне еще больше внимания. Но Каменский хвалит меня при всех, не понимая, что делает мне только хуже. Я вся сжимаюсь от его слов, еще сильнее горблюсь и даже зажмуриваюсь. Не хочу ничего видеть – и не вижу. Правда, это не спасает от колючих смешков и шепота, который бьет мне в спину. Во рту появляется горький привкус. Тело каменеет, но я чувствую, как пульсирует артерия на шее. Глаза печет, и, чтобы не разреветься перед всеми, я молча выхватываю зачетку из рук профессора, сгребая конспекты и, закинув рюкзак на плечо, спешу убраться из аудитории.

За дверью по привычке останавливаюсь, чтобы натянуть на голову капюшон и, как щитом, отгородиться тетрадками от мира. Я опускаю глаза в пол и пытаюсь стать серой тенью, чтобы незаметно преодолеть коридор. Однако мне не спрятаться и не скрыться – как и индейцам от конкистадоров. В меня, как в королеву инков, под гнусный шелестящий шепот со всех сторон летят – нет, не бамбуковые стрелы, а всего лишь мятые бумажки. Однако дай этим дуракам вилы в руки – тут же загонят на костер с криками «Ведьма!». Ну или с еще худшими оскорблениями: в этот момент они как раз выливают на меня всю грязь обо мне и моем отце. Мне кажется, что я тону в ней, что меня засасывает болото, тянет на дно, но я упорно шагаю вперед. Не отвечаю. Пробовала.

Не помогло.

На ватных ногах сворачиваю за угол в надежде, что в старом крыле никого не встречу. Еще пара недель – и я с чистой совестью смогу на два месяца запереться дома, а там, может, и легче станет. Всё ведь рано или поздно забывается, так? Вот только из головы совсем вылетает, что у выпускников-международников сегодня предзащита. Как раз там, куда я иду.

В результате я с ходу попадаю под артиллерийский огонь пары десятков глаз. Меня сразу берут в клещи цепные псы Бессонова: очень коротко, почти под ноль, стриженный Денис Книжник, чья фамилия является насмешкой судьбы: единственным печатным изданием, которое он когда-либо держал в руках, был «Плейбой» – и патлатый Савва Остроумов, любитель скользких шуточек ниже пояса. Они хором тянут протяжное «У-у-у» и преграждают мне путь – на радость всей «стае», как они любят себя называть.

Любой студент (кроме меня и ботаников, которых тоже задирают) скажет, что «стая» – это круто. В «стаю» попадают лишь избранные и только с одобрения их вожака Бессонова. В основном это игроки университетской команды по регби, но также там встречаются и профессорские детишки, мажоры со связями и – всегда – самые красивые девчонки. Последние обычно принимаются в «стаю» временно, а их изгнание проходит довольно (позорно) болезненно, но это не мешает всем остальным студенткам мечтать туда попасть.

Если говорить прямо, то я их всех ненавижу. Потому что все они – заикленные на себе идиоты, которые самоутверждаются за счет физически более слабых объектов. Меня, например.

Один толчок прилетает мне в плечо, и я стискиваю зубы так, что сводит челюсть. Второй – в спину, и я пропускаю вдох, чтобы не сорваться, не ответить. Знаю, что будет только хуже: проходили.

– Подруга, а тебе на людях не мерзко появляться? – плюет мне в лицо Книжник и ловит толстыми потными пальцами мой подбородок.

Я резко отшатываюсь от него. Кровь в ушах гудит, как высоковольтные провода, но я продолжаю молчать.

– Я б такого папашу сам ночью подушкой придушил, – точно ядовитая змея, шипит мне на ухо Остроумов из-за спины.

Сжав кулаки так сильно, что ногти больно впиваются в кожу, я кривлюсь от противного дружного смеха гиен, который режет слух, точно скрип мела по доске, и упорно смотрю ему в глаза. Бессонову по кличке Бес. Неужели это приносит ему какое-то удовольствие? Изо дня в день наблюдать одно и то же.

Его подруга Софа Лазарева с белокурыми, как у куклы Барби, волосами подключается по сценарию с нехитрыми оскорблениями, которые я уже выучила наизусть.

– Ты язык проглотила? – бьет по ушам ее грубый, будто

прокуренный, голос, который плохо сочетается со смазливой внешностью. – Или сказать нечего?

А он по-прежнему смотрит не моргая. Не понимаю. Бессонов ведь начал первым, и я даже почти искренне считаю, что он имеет на это право. Но с тех пор он не сказал мне ни слова.

– Передай-ка папаше, чтобы оглядывался почаще, а то мало ли... – летит мне в спину от его дружка-амбала Книжника, когда я, изловчившись, ныряю тому под руку.

Фыркнув, уже поднимаю ногу, чтобы сбежать, и почти ощущаю вкус свободы, когда меня вдруг дергают за рюкзак назад, и я с размаху приземляюсь на копчик. Черт. Это больно и стыдно. Лицо горит; как я ни пытаюсь сдержаться, но кривлюсь от удара; во рту металлический привкус – кажется, случайно прикусила щеку. Мои тетради оказываются разбросанными по полу, и по одной из них демонстративно топчется Книжник, а меня едва не трясет от злости. Я обязательно пожалею об этом, но...

– Нравится? – почти рычу Бессонову сквозь стиснутые зубы, поймав его темный взгляд, прожигающий мой лоб. Тот самый взгляд, который снится мне почти каждую ночь.

Я не жду ответа. Превозмогая боль, быстро сгребая конспекты в охапку и, вскочив на ноги, бегу, бегу, бегу прочь...

Прихрамывать я начинаю лишь на улице, когда адреналин сходит на нет. Я перехожу на шаг, крепче прижимаю к себе тетради и в страхе оглядываюсь по сторонам. На остановку

не иду, потому что туда заворачивает целая толпа моих однокурсников вместе с моей бывшей подругой Викторией Медведевой, которая до сих пор пытается отмыться от общения со мной и вписаться в популярную компанию. Спойлер: безуспешно. Засунув наушники в уши, я перехожу дорогу и полтора часа «прогуливаюсь» до дома. Зато разгребла по плейлистам подборку новых песен – везде надо искать плюсы.

Весь позитивный настрой летит в пекло, когда я, сбросив кеды и устало передвигая ногами, захожу в гостиную, которая объединена у нас с кухней, и в очередной раз обнаруживаю отца спящим на диване. У его ног стоит початая бутылка коньяка, на полу разбросаны зачеркнутые-перечеркнутые листы рукописи, а из колонки тихо доносится его любимый Брамс, усиливающий чувство унылости и безысходности. Папа вот уже которую неделю пытается поймать вдохновение, заменив компьютер старой доброй бумагой. Он будто не понимает, что издательству не нужны его книги. Больше не нужны. Не после всего.

– Лиза? – сквозь полудрему произносит он, когда я, вздохнув, укрываю его пледом. Зовет – и снова погружается в глубокий сон с мечтательной улыбкой на лице.

Пусть хотя бы там ему будет хорошо.

– Нет, пап. Мама давно ушла от нас, – едва сдерживая слезы, шепчу я и сглатываю подступивший к горлу ком.

Я поднимаюсь к себе, думая о том, что все изменилось с тех пор, как папа убил своего главного героя, благодаря ко-

торому двадцать лет оставался одним из самых востребованных авторов детективного жанра в стране. Михаил Ланской создал следователя по кличке Барин примерно за год до своего рождения и с тех пор больше не вспоминал о своей специальности инженера-строителя. Папа убил Барина, потому что устал от него, как он сам сказал. Правда, он не подумал о том, что вместе с героем может уйти и успех.

Первая же книга о молодой журналистке с синдромом Туретта¹ провалилась еще на этапе предзаказа, и большая часть тиража застряла на складе издательства. Преданные читатели не простили папе плохой конец длинной саги, а новые попросту не появились: в эпоху слэша и драконов детективы Михаила Ланского оказались архаичны. Еще бы кто-то из них понимал, что это за синдром такой. Тогда прозвенели первые звоночки.

Плохие отзывы сильно задели папу. Он намертво засел перед монитором, чтобы написать новый хит. Спойлер: безуспешно. Скоро на его столе поселилась пузатая коньячная бутылка, но знаков в вордовском документе с рабочим названием «Бестселлер» не прибавилось. Потом бурные ссоры с мамой стали чередоваться с приступами папиной депрессии. В итоге он просрочил сдачу рукописи и влез в долги, а мама с вещами ушла к своему боссу и вместе с ним перееха-

¹ Синдром Туретта выражается в том, что у больного дергаются различные части тела, при этом человек выкрикивает слова и короткие фразы, порой не имеющие никакого смысла и часто нецензурные.

ла в столицу. Она позвала меня с собой, пообещав, что мне всегда найдется место в ее новой жизни и доме, но я осталась. Только зачем, если папу от беды я так и не уберегла.

Переодевшись в пижаму, я выглядываю из окна спальни, откуда хорошо виден не только наш задний двор, но и соседский – двор Яна Бессонова, с которым мы с детства делим один таунхаус. Это такой двухэтажный дом европейского типа с общей стеной и крышей. В нашем живут две семьи, и у каждой есть отдельный вход с крыльцом, палисадник с подъездной дорожкой и небольшой земельный участок со стороны озера, обнесенный деревянным забором. По сути, мы все живем на одной территории, разделенной глухой перегородкой. У нас похожая планировка, и моя спальня по счастливой – или не очень – случайности находится как раз рядом со спальней Бессонова. Поэтому я всегда знаю, что у него на душе, благодаря громкой музыке, доносящейся сквозь стену.

Я знала, когда и под какие песни он готовится к лекциям, а когда тренируется, готовясь к очередным соревнованиям. Я знала, когда у него собираются придурки-друзья, когда он ссорится с очередной девушкой, которых устала считать еще года три назад. И когда у него появлялась новая, знала точно, потому что первый секс часто случался под аккомпанемент неизменной «Far away» от Nickelback. Я знала его так хорошо, что ненавидела, с четырнадцати лет. С того самого момента, когда наутро в день своего рождения я посчитала себя достаточно взрослой, чтобы признаться вечно хмурому

соседскому мальчишке в любви, а тот на искреннее «люблю» ответил лишь короткое «знаю» и больше не взглянул в мою сторону. Даже здороваться перестал.

Я привыкла его ненавидеть – так я считала. Но что я знала о ненависти?

Сейчас смотрю сверху вниз на Бессонова, который поливает любимые розы своей матери. Он без майки, несмотря на прохладную погоду. И у меня сжимается сердце, когда я думаю о бедной тете Наташе, но это не мешает мне засматриваться на его загорелую спину и рельефные плечи – с тех пор как Ян стал капитаном университетской команды по регби, он заметно возмужал. Я едва успеваю подумать об этом, как он резко оборачивается, будто чувствуя, что за ним шпионят. Он ловит меня с поличным, и я с выдохом отступаю на шаг.

Сердце колотится, в груди жжет. Я даже на расстоянии, даже через стекло на одно мгновение ощущаю тяжесть его взгляда. Воздух как будто плавится. Перед глазами мелькают темно-красные вспышки. Уши закладывает от подскочившего давления, и я точно знаю, что это из-за Бессонова.

Трудно это признать, но вся *моя* ненависть сейчас кажется детской и глупой, потому что у *его* ненависти есть весомый мотив. И она бездонна, как черная дыра, судя по доносящейся из его мощных колонок композиции «Я ненавижу все в тебе» группы Three Days Grace.

Ян Бессонов ненавидит меня с тех самых пор, как из-за

моего папы его мать оказалась прикована к больничной койке. А я соврала ради самого дорогого мне человека.

Глава 2

Ян

– Прикрой справа! – уходя вперед, команду салаге, который играет на позиции центрального.

Он пока явно не догоняет, куда попал: все время оставляет место для атаки соперника и лупит глазами по сторонам. Зато понтовался в раздевалке центнером веса и футбольным прошлым. Но здесь. Ему. Не футбол.

Регби – это не беготня качков по траве со странным мячиком в руках и не общая свалка мужиков, которые нюхают друг другу подмышки. Помимо силы и скорости здесь важна координация движений, видение поля, партнеров, соперников. Важно своевременно принимать решения, реагировать. Эта игра не так проста, как кажется, и в ней нет места тупицам. Здесь думать приходится не меньше, чем за шахматным или покерным столом.

Я люблю регби. Оно меня спасает. Особенно сейчас. Когда я выхожу на поле, моя злость хотя бы обретает смысл. Я могу использовать прожигающий ребра гнев, чтобы выиграть схватку или пробить с центра яростный дроп-гол². Могу применить силу, чтобы взорвать защиту соперника и мчаться

² Игрок бросает мяч на поле, после касания мячом земли ударяет по нему ногой и забивает в ворота соперников.

ся вперед, чем я сейчас и занят.

Тренировка в самом разгаре. Я передвигаюсь по полю короткими перебежками в ожидании шанса проткнуть заслон. Кажется, что даже воздух вокруг меня наэлектризован и из-под пяток вылетают искры. В ушах стоит гул десятка голов; пахнет влажной травой: моросит дождь. Грудь распирает от эмоций, требующих выхода. Поэтому, окинув быстрым взглядом парней, я кричу Мирону, чтобы за уши крайнему бил³, а сам топлю педаль газа в пол, чтобы успеть к мячу первым. И, подогретый боевым азартом, конечно же, успеваю.

Отдаю пас назад с криком «Верни!», прохожу вперед. Действую на инстинктах: поле знаю наизусть, не смогу здесь потеряться даже с закрытыми глазами. Ловлю мяч, двигаюсь мимо зевак, которые курят бамбук, вместо того чтобы следить за игрой. Сшибаю плечом одного защитника, продавливаю второго. До зачетной линии остается каких-то жалких пять метров. Нужно просто занести попытку и слать всех на...

– Твою мать! – взываю я, почувствовав резкую боль в груди и животе.

На пару мгновений ощущаю себя в невесомости и, только повалившись на землю, вижу над собой вместо голубого неба недовольную рожу Дэна, а после понимаю, что произошло: он перехватил меня у самых ворот.

³ Пробить ногой за спину крайнему игроку противника, рассчитывая на то, что свои игроки на другом краю среагируют и успеют к мячу первыми.

– Ты себя че, Ричи Маккоу⁴ возомнил? – брызжет тот слюной.

– Да ты мне ребра сломал, – сквозь стиснутые зубы рычу я.

– Футбольное поле в пятистах метрах отсюда, – доносится до меня недовольный голос тренера, – с этим нытьем туда.

Да уж, сколько бы я ни испарял из себя злобу, а стоит остановиться – и заполняет по новой.

Отпихиваю Книжника ногами и, перекатившись через бок, – искры в глазах – поднимаюсь с газона. Поймав в фокус салагу, я взглядом обещаю ему мучительную смерть, а сам разминаю шею и пытаюсь продышаться, потому что при каждом вдохе легкие будто сводит. Не могу нормально вдохнуть.

– Бессонов, за мной, – командует тренер. – А вам останавливаться никто не разрешал! – орет на остальных в привычной манере. Мне иногда кажется, что он давно разучился говорить нормальным тоном. Брови седые, вес сошел, голова лысая, а в плане децибелов любому из нас фору даст. – Остроумов, давай командуй парадом! Отработать дальний пас и мол⁵.

Тренер едва мажет по мне взглядом, но я все равно послушно иду следом за ним по коридорам, мимо закрытых

⁴ Трижды признан игроком года по версии Международного совета регби.

⁵ Мол образуется, когда игрок, несущий мяч, удерживается одним или несколькими соперниками и один или несколько товарищей по команде обхватывают его.

дверей раздевалок, пока мы не оказываемся у него в камерке – по-другому этот пыльный подвал не назовешь. Я подпираю плечом дверной косяк и всем видом демонстрирую, что не заинтересован в его нравоучениях. Уже знаю, что услышу: «Твоя агрессия неуместна», «Прибереги ее до матча» и все в таком духе. Ага, я уяснил и за прошлые пару десятков раз.

– Как ты? – разбивает мою уверенность простой вопрос.

Как я? Я теряюсь, потому что давно никто не спрашивал у меня, как я. Именно я. Как состояние мамы, как буду бороться с несправедливостью, как собираюсь оплачивать счета – это я слышу едва ли не каждый день. Но уже давненько никто не утруждал себя вопросами, что происходит *со мной*.

– Нормально, – бросаю, поджав губы, так как попросту не нахожу, что еще ответить.

Васильич не лезет в душу, но как будто все читает между строк. Кивает и садится за стол с важной миной, а я даже злиться на него не могу. Потому что он, в отличие от моего настоящего отца, хотя бы делает вид, что его волнует моя участь. И всегда волновала. Это ведь тренер подтянул меня в регби. Благодаря ему я поступил в универ на бюджет и сумел отказаться от отцовских денег, которые воняли ложью и ледяным безразличием.

В школе я играл в волейбол. Довольно неплохо играл, кстати. Поэтому, когда Алексей Васильевич Краснов пришел искать юные таланты, наш физрук предложил посмотреть меня в деле. Я был только за: знал, что в волейболе осо-

бых высот не достигну – просто потому, что не вырасту выше ста девяноста сантиметров. Не в кого. А там перед выходом в профессионалы обычно конкретный такой отбор идет по физическим показателям. В регби, как мне доходчиво объяснили, важно другое.

Я попробовал, и мне понравилось. Стало даже получать-ся. К выпускным экзаменам я набрал хорошую форму и мог уже попытаться надрать задницу парням из универа. Не всем, конечно, но мог. Потом последовало несколько лет укрощения собственного эго, драк, бесконечной физподготовки и ожесточенных споров с тренером, чтобы в прошлом сезоне стать-таки капитаном и вывести команду в финал студенческого чемпионата России. Для «Южных волков» это серьезное достижение и хорошая заявка на будущее. Только уже без меня: финальные матчи регионального кубка станут моим последним вкладом в «Волков» после выпуска.

– Ты же знаешь, что английские скауты и агенты просматривают команды со всего мира? – как ни в чем не бывало спрашивает тренер.

– Ага.

Не понимаю, к чему он ведет.

– В том числе из России.

– И че?

– Ниче, – передразнивает Васильич. – Тобой заинтересовался один из английских клубов. Обещают посмотреть тебя на финале в Сочи.

Если мы попадем на финал в Сочи.

– Зачем?

– Твою налево, Бессонов! Ты у Книжника слабоумием заразился или как?

– Я не принял предложение пензенского «Локомотива», говорил же вам, что сейчас меня это не интересует и...

– Пенза не такой приятный город, как Манчестер, – настаивает он.

Я хмурю брови и пытаюсь переварить его слова. После всех событий перестал планировать дальше, чем на день вперед. Сейчас меня мало интересует спортивная карьера или будущее дипломата. Лишь бы мама очнулась – другого ничего не надо.

– Ладно, отдыхай. Толку от тебя все равно никакого сегодня.

– Я могу вернуться на тренировку? – злюсь непонятно за что на самого себя.

– Нет. Русским языком говорю: домой езжай и выпишись как следует. На зомби похож, народ мне пугаешь. Еще капитан называется.

Спорить с тренером бесполезно, но я все же спорю. Довожу его до белого каления, особо и не стараясь, но и у самого пригорает, потому что тот правду рубит жестко. В раздевалку я влетаю, как гребаный торнадо: сношу скамейку и с психом отыгрываюсь на дверце личного шкафчика. И холодный душ мне не помог. Лишь по дороге в больницу я выдыхаю

– вынужденно. Просто не хочу, чтобы мама видела меня таким. Даже если она вообще ни хрена не видит.

Я прошу сиделку оставить нас и осматриваюсь в палате. За те сорок восемь часов, что я не был здесь, ничего, конечно же, не изменилось. Мама по-прежнему не открывает глаза, не улыбается, не треплет меня по волосам, будто мне снова шесть лет. Не шелохнется. Трубок, торчащих из ее тела, меньше не стало. А мониторы все так же издают монотонный писк, который и без черепно-мозговых травм вводит в коматозный ступор. И я бы даже лег рядом. Забил на всех большой и толстый и остался здесь, с ней, если бы не слышал в голове ее голос:

«Сынок, ты у меня самый сильный».

«Ты справишься, малыш».

«Подумай, что еще ты можешь сделать, если тебе кажется, что уже сделал все, что мог».

Мой взгляд скользит по ее безмятежному лицу, по тонким рукам, лежащим поверх больничного одеяла, по потускневшим волосам, за которыми она так трепетно следила. В глубине души я радуюсь тому, что Краснов выгнал меня с тренировки, потому что я все чаще стал пропускать эти поездки. Потому что я заблудился в своих мыслях и в собственном доме, где мамины вещи, никогда не лежавшие на местах, еще не успели покрыться толстым слоем пыли, а для меня это время оказалось похоже на бесконечный бег в темном туннеле, в конце которого вот-вот погаснет свет.

Три месяца – чуть больше, чем девяносто дней. Как рассказал мне интернет, принято считать, что люди выбираются из коматоза за срок до пяти недель. Все остальное – сценарии для фантастических фильмов. Мама без сознания уже тринадцать, хотя ее недовязанный свитер все еще валяется на кровати в ее комнате. Будто дожидается ее. Зачем мне в лето был нужен теплый свитер? Хотел бы я знать ответ, но... Кома четвертой степени и три остановки сердца. Самый вероятный для мамы прогноз – смерть, если без заумных терминов.

Сейчас ее жизнь, если это можно так назвать, напрямую зависит от медицинской аппаратуры. Ее пичкают лекарствами, чтобы поддерживать работу организма. С ней делают упражнения, над ней проводят эксперименты, как над лабораторной крысой. И все из-за одного ублюдка. *Ланского*. Который не ответил за дерьмо, которое сотворил. И не ответит, судя по тому, что всем наплевать.

Со злости ломаю стебли ее любимых роз, царапая руки шипами. И зачем я вообще таскаю в больницу цветы? Кстати, о них. Скосив глаза к окну, за которым сгущаются тучи, я замечаю очередной букет цветущей травы, которая даже не пахнет – я уже проверял. В прошлый раз ни сиделка, ни медсестра так и не признались, кто передал веник, хотя я им откровенно и безрассудно угрожал. Их толстокорую совесть оказалось не пронять, хотя вообще-то я имею право знать, так ведь? Не папашка же заказывает из Израиля?

Сжав кулаки, чтобы снова не начать с ходу на всех орать, я как раз направляюсь в сестринскую, когда в конце коридора замечаю знакомого лечащего врача и...

Ланская? Какого?.. Наши взгляды скрещиваются. Секунда-две на осознание, и она пугается – издалека замечаю, как округляются у нее глаза, как она пятится и пятится назад. Струсила?

Я будто в замедленной съемке наблюдаю, как она разворачивается, прячется в худи и топит в сторону лестницы, а меня резко бросает вперед. Я не обращаю внимания на слова медсестер, не здороваюсь с врачом. Бегу, мчусь за ней. Через дверь. Вниз два пролета. Ловлю тень. Силуэт. Торможу за руку, сдергиваю капюшон и смотрю в бесстыжие глаза. Серые, как грязный асфальт.

– Отпусти, иначе буду кричать, – выдает тихо, сквозь зубы.

– Кричи сколько влезет.

И желательно изо всех сил.

Глава 3

Ян

– Отпусти, – повторяет, дерзко вскинув подбородок. Скалится, рычит, как дикий зверек, которого поймали в капкан, и выдыхает с отчаянием.

И вот разве это девчонка? Раньше хотя бы в платьях бежала, а теперь, в этих широких, безразмерных балахонах, от пацана не отличишь. Ни прически на голове, не накрасшена вообще, и я отчетливо вижу дурацкие бледные веснушки, рассыпанные по ее лицу. Еще и губы искусанные, сухие. Она ловит мой взгляд, когда я как раз на них смотрю. Что-то бормочет, двигая ими, а я злюсь и сильнее стискиваю ее запястье. Желание сломать Ланскую, оставить на ней отметины растет до одурения – я его не контролирую. Кожа под моими пальцами белеет, чтобы потом покраснеть.

– Больно, – бормочет так тихо, что я почти читаю это по ее губам, которые она снова кусает.

– Да ладно? – закипаю я.

Она дергается, пытается вырваться и, свирепо глядя на меня, замахивается свободной рукой.

– Совсем страх потеряла? – Я заламываю обе ее руки за спину, и Ланская врезается в меня грудью, которую, как мне кажется, она все же где-то посеяла.

Девчонка оказывается слишком близко, и я с удивлением отмечаю, что от нее не пахнет. Совсем ничем. Ни модными вонючими духами с феромонами, ни всякой косметикой с отдушкой, ни потом, ни едой, ни фруктовой жвачкой. Разве что чистой одеждой и свежестью, и это кажется странным. Я пальцами ощущаю, как под тонкой кожей бешено бьется пульс, хоть Ланская и старается изображать вселенское спокойствие. Я, черт возьми, с наслаждением наблюдаю, как у нее от боли дергаются уголки рта, как она пытается сдержать шипение и раздувает ноздри, а на лбу выступает вена. Но молчит. Почему она молчит? Обещала ведь кричать!

– МНЕ. БОЛЬНО. ТУПОЙ ТЫ ПРИДУРОК! – слетает с ее губ негромко, но каждый слог как пощечина.

– Врешь, – ухмыляюсь я в ответ легко, будто мы здесь шутим, а сам лишь сильнее сжимаю пальцы. Я ненавижу ее всей душой, особенно сейчас, когда она не сдается, хоть и проигрывает. – Но ты в этом профи, да?

Вспышка в колючем взгляде и вмиг расширившиеся зрачки говорят о том, что все она понимает, пусть и продолжает, нахмурившись, делать вид, что нет.

– Если у тебя есть какие-то претензии, то можешь изложить их официально в заявлении в полицию. – Она трепыхается, словно агонизирующий кролик, вокруг тельца которого одно за другим сжимаются кольца удава, ломая ему кости.

– Смотрю, язык у тебя на месте, – сощурившись и склонив голову набок, произношу я. – В универе не совала бы его в

задницу, может, и не казалась бы такой жалкой.

Это контрольный, после которого срабатывает детонатор, и ее рвет на части. Ланская краснеет, надувает щеки, рычит не своим голосом, а я, ведомый какой-то черной магией, отвлекаюсь и пропускаю запрещенный лоу-кик.

Адская боль в один миг сводит все ниже пояса. До скрипа стиснув зубы, я с рваным выдохом складываюсь пополам и упираюсь ладонями в колени, чтобы тупо не сдохнуть. Челюсть сводит – так сильно сжимаю зубы, сердце бьется навывлет, будто ставил рекорд на стометровке, а это всего-навсего зарядивший мне между ног красный «конверс». Быть слабым я, правда, позволяю себе не дольше пары секунд. И стерву, что пытается проскользнуть мимо, не упускаю – перехватываю под локоть на две ступени ниже меня.

– Не смей больше появляться здесь. Увижу – убью.

Уверен, мой взгляд напрямую транслирует кипящую ненависть, которая распирает грудь. И Ланская вроде бы даже пугается, но это не мешает ей плюнуть в меня – в прямом, мать ее, смысле – и пуститься наутек. Чтобы потом, на безопасном, по ее мнению, расстоянии длиною в лестничный пролет, остановиться, задрать кудрявую голову и крикнуть:

– Я Наташу тоже люблю! Она, в отличие от тебя, потрясающий человек. – А затем добавляет тише, будто бы для себя: – Она пекла мне черничные пироги, когда мама ушла.

И сбегает трусливо, пока я, корчась, стою, точно оглушенный. И не потому, что знаю теперь, куда откочевывала ма-

мина кондитерка, которую та готовила якобы для коллег из детского сада, где работала няней, а потому, что Ланская, наверное, единственная, кто в последнее время говорил о маме в настоящем времени.

«Тетя Наташа была клевой. Жаль, что с ней такое дерьмо произошло», – сказал недавно Дэн.

«Печально, что я не успела ближе познакомиться с твоей мамой», – несколько недель подряд болтала Софа без остановки.

«И че, дом-то теперь весь тебе достанется? Или папаша объявится?» – перед тем как отхватить по морде, спросил Остроумов.

Меня от их слов выворачивает наизнанку. Все ее будто заживо похоронили, хотя ее сердце по-прежнему стучит!

И все из-за этого жалкого уродя, великого писаки Ланского, который после случившегося едва ли не рыдал у скорой с криками, как ему жаль. Зато, когда примчался его адвокатишка, сразу заткнулся и по итогу не подписал ни одного признания. Он заявил, что, выпив коньяка, крепко спал дома, в то время как его тачка, которую он забыл поставить на ручной тормоз, медленно скатилась по склону и сотворила весь этот ад. И не нашлось ни одной годной записи с камер, чтобы опровергнуть его слова! Черт бы его... И без ста граммов понятно, что тема с машиной-убийцей – это хрень на постном масле, но я ничего не сумел доказать. Пробовал. Не раз. Ни денег, ни сил жалко не было. Не вышло.

Как итог: мать в коме, урод на свободе. И он, и его дочурка, которая каждый вечер лет с тринадцати моталась по району на роликах, — знаю, потому что часто в это время возвращался домой после тренировок, — а конкретно в момент икс, блин, охраняла папочкин сон.

Ложь. Ложь. И еще раз ложь.

С размаху вписав кулак в бетонную стену, я матерюсь себе под нос. Слышу, как звонит телефон в заднем кармане. Отец. Что ему надо? Приходится выдохнуть несколько раз, чтобы с ходу не послать его на хрен.

— Чем ты занят таким, что ответить не можешь? — вместо того чтобы спросить, как дела, он нападает на меня. По-другому и не бывает.

Разговор выходит коротким, впрочем, как и всегда. Я уже даже не огрызаюсь — просто не трачу силы на это. Деньги, выплаченные Ланским по постановлению суда, закончились слишком быстро. Хорошую палату для мамы, сменных сиделок и круглосуточный уход я не потянул, поэтому пришлось просить о помощи отца, который перевел ее в другую больницу, к какому-то знакомому именитому врачу.

И я ненавижу это.

Я уже очень давно не притрагиваюсь к его подачкам, перебиваясь разными шабашками. На машину, пусть и не новую, сам накопил, хотя все вокруг считают, что с таким отцом, как у меня, не нужно напрягаться. Я ни с кем не спорю. Они могут думать что хотят, но изменять своим принципам

я не буду. Отец ушел от нас десять лет назад, и с тех пор я его не видел. Мама в коме – все еще недостаточный повод, чтобы приехать.

Когда я ловлю в коридоре врача и слышу от него очередной набор сухих терминов, желание убиться в хлам становится нестерпимым. Спустившись на парковку, я несколько минут смотрю на стесанный бампер с вмятиной, которую придется выдувать и полировать. Звоню Виталику, двоюродному брату Саввы, в детейлинг-центр, где частенько пропадаю в последнее время: за пару ночных выходов в неделю там можно поиметь тысяч двадцать-тридцать. Беру заказ на сегодня и прошу помочь с моей тачкой, а то негоже светить таким видом. Лишь после этого сажусь за руль, правда, все еще выпав из реальности: подвисяю и не завожу мотор. Адски хочется курить, но я обещал матери, что брошу. Открываю окно, терплю, дышу. И лишь тянусь к ключам, как слышу знакомый писк:

– Да отвали ты!

Дьявол! Ланская! Опять она!

Меня едва ли не выворачивает от одной ее тени, и все же я не могу развидеть то, что уже маячит перед глазами. Из ушей вот-вот повалит пар, но я поджимаю губы, глядя, как ее задирает какой-то левый тип. Как он толкает ее, бодается с ней, а Ланская верещит, будто ее ревностно хранимой девственности сейчас что-то угрожает. По-любому же у нее никого не было. Уверен, что, при всей ее мнимой храбрости,

она краснеет от слова «секс».

Я моргаю, но Ланская никуда не исчезает, как бы я этого ни желал. И, черт возьми, я ненавижу ее всей душой, но всеобщая одержимость сделать ей больно уже до дрожи меня раздражает. Почему всем вообще есть до нее дело?

Да, у нас небольшой город, и новости разлетаются быстро. Да, многим тупо заняться нечем, кроме сплетен, вот и плодят дерьмо без остановки. Но это, блин, *моя* мать и *моя* ненависть. И меня жутко бесят даже мои друзья, которые считают, что имеют право ненавидеть Ланскую.

Не имеют. Как и этот урод, который откровенно домогается ее. Хотя тут ненавистью и не пахнет, тупая похоть.

Злость заполняет легкие, и я выдыхаю ее паром на лобовое. Башню рвет. До сих пор не могу забыть, как еле успел отбить маму, которая ждала меня после работы в парке, когда к ней те ублюдки прикопались. За малым не проехался по ним. Пару раз. Но ногу одному все-таки отдал.

– Отвали от нее. – Еще на полпути я повышаю голос, потому что ладони мудака лежат на здоровой заднице Ланской в мешковатых джинсах, а от дерзости, с которой она плевалась в меня, не осталось и следа.

Тип лениво оборачивается и смотрит на меня как на мусор, но грабли свои убирает:

– А тебе какое дело? Иди куда шел, чувак.

– Села в машину! – не глядя на него, рывкаю нарывающей на неприятности дуре, и та куда-то мигом испаряется.

Хорошо, повторять дважды не приходится, потому что она явно путает берега. Не понимает, с кем можно шутить, а с кем нет, и если я по-серьезному не трону, то другие... хотя мне порой кажется, что она своей тупостью и меня до греха доведет.

– Слушай, чувак, – вмазать бы ему за это его «чувак», – я знаю тебя. – Он шагает ко мне, понижает голос, будто собирается по-дружески шепнуть какой-то секрет. – И знаю, что натворил ее папаша. Я могу *поиграть*, – он выделяет это слово особенно липко и противно, и я почти чувствую запах гнили, – с ней, но, если ты хотел бы сам... – Он подмигивает. Он мне, блин, подмигивает! – Я постою на стреме.

– Правильно я понимаю, – сжимая кулаки в карманах, я пытаюсь хотя бы внешне оставаться спокойным, – что ты предлагаешь мне поиметь девчонку?

В ожидании ответа напрягается каждый мускул в теле. Нервы звенят, виски пульсируют, кожа зудит. Я способен на многое в этой жизни, но есть разумные – и не очень – пределы. А это за гранью. Далеко, очень далеко за чертовыми границами.

– Да ну. – Он тихо ржет, поворачивает бейсболку козырьком вперед, потому что начинается дождь. – Вариантов много, чтобы она не смогла ничего доказать.

Прямой ему в челюсть летит вместе с последним слогом, сорвавшимся с его языка. Один удар, второй, третий, и кровь – не знаю, моя или чужая, – смешивается с усиливающимся

дождем. Ее железный запах проникает мне в ноздри и разносится с адреналином по венам, заводя и одновременно успокаивая меня. С недавних пор я нахожу покой в хаосе.

После пятой встречи с моим кулаком *чувак* перестает сопротивляться и заваливается на мокрый асфальт. Только меня это не останавливает. Вспышка. Уроды, толкающие мою мать. Вспышка. Отец, который вместо встреч присылал маме деньги на мой шмот. Вспышка. Пацаны, что каждым тупорылым словом или действием делают только хуже. Вспышка. Софа, от нытья и тупых проблем которой уже тошнит. Вспышка. Перед глазами опять намертво застыла сцена из той самой темной ночи, когда я теряю единственного человека, которого люблю.

Яблоки, зеленые яблоки по всей дороге.

Она была похожа на мертвую. Там, на земле, в луже крови, мама была похожа на мертвую как никогда. Мне снится это каждый день: она умирает, лежа в палате, а никто этого даже не замечает. Потому что она уже...

Мысль прерывается, я внезапно падаю, больно приложившись спиной об асфальт, и затем перекатываюсь на бок. Вспышка. И я оказываюсь на больничной парковке – лежу в луже, а надо мной стоит нечто с глазами по пять копеек. Как у совенка.

Когда я понимаю, что это Ланская смотрит на меня сверху вниз, уперев руки в бока и хмуря брови, мне становится смешно. Я впечатываюсь затылком в бетон и хохочу изо всех

сил.

– Откуда ты вообще взялась? Больная, что ли? Зачем ты полезла, а?

В мыслях я трясую ее за плечи, чтобы выбить душу вместе с трухой, которой у нее забита башка, но...

– Когда бык разъярен и теряет контроль, на арену выпускают специально обученных коров, которые уводят неадекватного быка в стойло.

Чего? Я даже не моргаю, пытаюсь понять, что она несет.

– Ты вообще о чем?

– Это коррида. – Она пожимает плечами так просто, будто ничего необычного и не сказала. – Правила корриды.

Я пытаюсь найти на ее лице хотя бы какие-то намеки на сарказм или юмор, но тщетно. Она точно поехавшая на всю голову.

– Ты до жути странная.

Но ей, кажется, плевать, что я думаю о ней. По крайней мере, вместо того чтобы слушать меня, она толкает ногой валяющееся рядом тело и шумно выдыхает, когда оно подает признаки жизни. Я же поднимаюсь и тщетно пытаюсь отряхнуть промокшие джинсы от грязи. На мудака даже не смотрю, он заслужил каждый удар, и плевал я, если он вдруг обратится в ментовку. Хотя не обратится. После того, что предлагал, – нет.

– Эй, больная. – Я не знаю, зачем зову ее. Просто она поднимает на меня взгляд, и я вновь подвисаю на одну лишнюю

секунду. Глаза у нее бешеные. Раньше не замечал, наверное.

– У вас все в порядке? – раздается за спиной.

– Ян, ты, что ли? – Я узнаю голос знакомого парня из университета.

И пока отвлекаюсь на миг, Ланская накидывает капюшон на голову и, как Черный Плащ, исчезает в сумерках.

Глава 4

Мика

Капли остервенело бьют меня по лицу. Капюшон уже не спасает, я промокла насквозь, но продолжаю идти. Хочу убраться подальше от Бессонова и его дружков. Хочу сбежать от проклятого чувства дежавю, которое преследует меня в такую погоду.

Тогда тоже лил дождь...

– От пяти до двенадцати! – слышу я в голове крик дяди Саши, папиного друга, юриста, который жил по соседству и занимался их с мамой разводом, хозяина милого лабрадора по кличке Жека, что облизывал мне руки в тот миг, когда все произошло. – От пяти до двенадцати лет тюрьмы, потому что он пьяный!

День, разделивший мою жизнь на до и после, день, когда мне пришлось сделать взрослый выбор, был совершенно обычным. Я возвращалась со спортивной площадки, где часто каталась по вечерам на роликах. Небо затянуло тучами, рано стемнело, заморосил дождь, и я ускорила, но не смогла пройти мимо Жеки, с которым мы и поспешили к месту происшествия.

Я никогда не забуду ту картину: тело Наташи целиком из ломаных линий, черные как ночь пятна крови на асфальте,

машина, ревущая сигнализацией, и обнимающий в приступе истерики бутылку отец, стоящий на коленях. Помню, что первой мыслью, как ни странно, был совсем не страх. Я подумала о том, что папа мне соврал. Снова. Два дня назад он пообещал бросить пить и на моих глазах вылил все спиртное в унитаз. Даже из самых укромных тайников, о которых я прекрасно знала. И вот спустя сорок восемь часов он нарушил свое слово. Очнулась я, когда дядя Саша закричал про тюремный срок, а затем спросил, есть ли у меня права. Но их у меня не было.

– Уводи его! И сделай все что угодно, лишь бы он мог связать два слова к приезду полиции!

– Но...

– Все. Что. Угодно!

– А скорая?

– Я сделаю все! Уведи его, пока никто вас не увидел!

В следующую секунду дядя Саша уже полез в открытый автомобиль осматривать салон, а я, подгоняемая паническим страхом, дотащила отца до дома, не снимая роликов.

Наверное, я уже тогда понимала, что в действительности произошло, но мозг с таким рвением зацепился за версию дяди Саши, будто машина скатилась *сама*. Я так хотела в это поверить, что солгать оказалось очень легко. Ложь, которая потребовалась от меня, состояла из четырех букв: короткое «дома» на вопрос, где находились мы с отцом, когда его автомобиль самопроизвольно скатился по склону и сбил пеше-

хода.

Для папы все закончилось быстро и безболезненно: не без помощи дяди Саши суд приговорил его к условному сроку в год и шесть месяцев в силу ряда смягчающих обстоятельств. Хотя до этого случая я и подумать не могла, что водитель, не находясь за рулем, может нести такую серьезную ответственность за свой автомобиль. Такую же, какую он нес бы, соверши он все собственными руками. Учитывая, что затворничество для папы давно стало привычным, его жизнь практически не изменилась, за исключением обязательных отметок в каждый первый вторник месяца в уголовно-исполнительной инспекции.

Его жизнь не изменилась. В отличие от моей.

Я никогда не забуду горящий взгляд Бессонова, накинувшегося на меня посреди университетского коридора. На глазах у всех. Я слишком хорошо помню его ладонь на моем горле, перекрывающую кислород. И синяки, что не сходили еще неделю: мне пришлось носить водолазки, чтобы не привлекать к себе еще больше внимания.

Внимание, о котором я, как и любая второкурсница, так сильно мечтала, стало ненавистным. Я старалась превратиться в тень, чтобы слиться с серыми стенами. Я горячо желала, чтобы меня попросту никто не замечал. Но Бессонов запустил необратимый процесс, и теперь каждый считал нужным ткнуть меня носом в случившееся.

– Я знаю, что это сделал он, – белым шумом шелестел в

ушах его злющий голос. – Я знаю, что ты соврала. – Вкупе с болью это звучало как обещание бесконечной ненависти, которое он сдержал.

Кажется, что с того момента прошла целая жизнь, на деле же – каких-то жалких три месяца. И, несмотря на все, я по-прежнему ни о чем не жалею. Это был *мой* выбор. Ради папы я соврала бы снова.

Резко отскочив от летящих в меня брызг, которые поднял обогнавший меня черный автомобиль, я успеваю мысленно произнести пару десятков неласковых слов и от обиды показываю ему вслед средний палец. Но тут же прячу: у машины загорятся стоп-огни. Даже пячусь при виде выдавшего виды «мерина», который сдает назад, потому что знаю его хозяина. У какого еще придурка в городе на заднем стекле наклеен страшный зубастый волк?

– Далеко, смотрю, не уплыла, – раздается из опущенного окна автомобиля, и оттуда выглядывает самодовольная (и совершенно, блин, сухая) морда Бессонова.

– Отвянь, – отмираю я и, наплевав на лужи по щиколотку, иду дальше, но меня снова подрезают.

– Сядь, есть разговор.

– Мне не о чем с тобой говорить.

Я оглядываюсь по сторонам, чтобы понять, как перепрыгнуть озеро, посреди которого я оказалась, но не тут-то было. Внезапно раздается автомобильный гудок, который сильно бьет по барабанным перепонкам, и я подпрыгиваю на месте.

– Ты в своем уме? – яростно шиплю я на Бессонова.

– С утра был. Садись.

Он тянется к двери и толкает ее, а мне становится еще страшнее сделать один-единственный шаг.

– Я мокрая.

– Я очень рад, что нравлюсь тебе, но...

Идиот.

Я уже собираюсь отступить, только бы избавиться от неприятной компании, когда у меня от затылка и до самых пяток разбегаются мурашки.

– Мика!

Во всем виноват голос Бессонова, когда он произносит мое имя.

Он вообще звал меня когда-либо по имени?

Я вроде бы и взвешиваю в голове варианты, как избавиться от него, но, по правде говоря... разве у меня есть другой выход? Вокруг стремительно темнеет, дождь усиливается с каждой минутой, а промокшие ноги грозят насморком и температурой. В машине Бессонова хотя бы сухо и тепло.

С этой мыслью я падаю на переднее кожаное сиденье, и в нос бьет приторный запах ароматизатора из пузырька, свисающего с зеркала заднего вида. Но напрягаюсь и дышу через раз я потому, что обивка салона напоминает те самые жуткие офисные диваны, на которых не шелохнешься без громкого непристойного звука. Каждая клеточка в моем теле кричит мне бежать подальше от Бессонова. Но я остаюсь.

Машина трогается с места, а Ян по-прежнему молчит. Тишину нарушают лишь гневный стук дождя по лобовому и приглушенная песня группы Bring Me The Horizon, которую я часто слышала через стену. Но я не возражаю, пусть Ян и дальше пялится на дорогу: она скользкая, лишним не будет. Я слишком напряжена для диалогов. И имею право!

Сколько раз мы с вожаком «стаи» находились так близко друг к другу? Один, когда он включил Отелло? Но и там была целая толпа зрителей. Второй раз, в четырнадцать, тоже вряд ли считается: он разбил мне сердце за жалкие три минуты, а потом я уже изо всех сил улыбалась ему с Наташей, которая привела сына с собой, чтобы поздравить меня с днем рождения. Она даже не догадывалась, как сильно я не хочу видеть того, кто хладнокровно убил мою детскую симпатию. И вот сейчас я сижу рядом с *ним* так близко, что могу разглядеть выведенное курсивом слово fate⁶ у него за ухом. Таких мелких татушек на его теле много. Я насчитала семь на пляжной фотографии, которая случайно попалась мне в интернете: sport на голени, family под сердцем, freedom на тыльной стороне кисти между большим и указательным пальцем. Еще была power на плече, brotherhood на шее, life⁷ на запястье и эта самая fate. Но, по-моему, их определенно больше. Я так думаю.

Сейчас каждая черта Бессонова кажется мне острее, чем

⁶ Судьба (англ.).

⁷ Спорт, семья, свобода, сила, братство, жизнь (англ.).

раньше, а сам он – злее и жестче. Он мало похож на приукрашенный мной в фантазиях образ немногословного соседа из детства, но и того, кого я часто видела из окна, не напоминает. Может, потому что не светит голым торсом с кирпичным прессом? Он одет в тонкий черный свитер под горло, а его неприлично длинная челка, которую он на игре часто закалывает невидимками, свободно падает на лоб и на сливающиеся с темнотой глаза.

– Не пялься, – бьет по натянутым нервам его резкий голос. Он даже не смотрит в мою сторону, но я вжимаюсь в сиденье с ужасным скрипом.

– Думаешь, я не знаю, как ты помял бампер? – отбиваю я, используя единственный доступный в моем арсенале козырь. Надеюсь, не придется или останется на финал, но не прошло и пяти минут, как я вынуждена использовать тяжелую артиллерию.

Ну, в общем, его задний бампер соотносится в моей голове со снесенной оградой у нас на подъездной дорожке и раздавленными пионами, которые остались от мамы, любившей ухаживать за цветами, и которые зацвели безо всякого ухода, чтобы окончательно свести папу с ума.

– Туше, – ухмыляется Бессонов поистине кровожадной ухмылкой, задрав брови так высоко, что те должны бы вылезти на затылок.

А я не могу перестать сравнивать его с тем, кто так долго жил в моей голове. Я осознаю одну простую вещь: у них нет

ничего общего. Даже запах другой: раньше Ян пах литром The One и сигаретами, но я уже давно не видела его курящим. Вокруг него теперь витает лишь аромат порочности и раздражающей наглости, смешавшийся в гремучий коктейль с запахом леденцов, которые Ян с недавних пор жует пачками. Сегодня, кстати, они точно мятные, а в тот день, когда он чуть не свернул мне шею, были вишневые. Смешно, да, что я помню все эти мелочи?

– Могу я узнать, зачем ты таскаешься в больницу? – спрашивает он подозрительно спокойным голосом, который обещает мне ураган. У него резко обозначаются скулы, раздуваются ноздри, и я понимаю, что все его спокойствие – одна сплошная фальшь. – Это чувство вины?

Да.

– Что?

– Вопрос простой, – разрезает жалкий метр между нами его низкий голос.

– Я тебя не понимаю, – вру слишком откровенно.

– Что непонятного? Зачем твой пьяный отец сбил мою маму, а ты соврала? Причин я тоже не пойму, но фактов это не меняет.

– Я не...

Тело охватывает дрожь, пальцы трясутся. В воздухе повисает отчаяние. Оно пахнет опасностью и скользкой дорожкой, куда меня затягивает.

– Ты лет с двенадцати, наплевав на тусовки, каталась в это

время на своих дурацких роликах. Да я чуть ли не каждый божий день видел тебя после тренировки! А в тот единственный вечер ты вдруг решила себе изменить? – Он продолжает вести машину уверенно, не отвлекается, поворачивает на сложном перекрестке, но меня кроет.

– А ты следишь за мной?

Он слишком близко подбирается к истине.

– Давай не будем о том, кто и за кем следит. Ты не устала наблюдать, как я тренируюсь, из своего окна?

Звучит как вызов, и я против воли краснею – точно знаю по горящим щекам. Значит, мое укрытие совсем не такое безопасное, как я полагала? Но даже если так, то что?

Что ему надо?

– Слушай, – продолжает он, видимо догадавшись, что ответа не последует, – весь район знает, как бухает твой отец. И что он творит в последнее время – тоже: и про разбитых гномов Романовых, и про снесенный шлагбаум на въезде. Неужели ты полагаешь, что кто-то верит в его невиновность? – Он тормозит на светофоре и, повернув голову, впиывается в меня взглядом. – Неужели ты думаешь, в это поверю я?

– Неужели ты считаешь, что мне есть до этого дело? – копирую я его едкий тон. – Если у тебя есть претензии к судебной системе...

Я вытираю стекающие с волос капли и хлюпаю носом. Меня слегка трясет, но я не понимаю, от холода это или из-за

испепеляющего взгляда Бессонова.

– Жизнь показала, что есть лишь один честный суд. И мы все там рано или поздно окажемся.

Мне приходится крепко обнять себя за плечи, чтобы хоть как-то унять нарастающую дрожь. Ян делает музыку громче и больше не заговаривает со мной, и это очень хорошо. Но я все равно до самого дома гадаю, как так вышло, что, несмотря ни на что, еду с ним в машине. Кто бы увидел из университетских, не поверил.

Оставшуюся часть пути я мысленно прикидываю, что сегодня меня вряд ли хватит на главу, которую задолжала девочкам, – я уже много лет перевожу зарубежные книги и фанфики и сейчас участвую в народном переводе крутой серии про одноногого частного детектива, которую у нас выпускают с большой задержкой. Тяга к расследованиям, привитая мне с детства папой, который вместо сказок про принцев читал мне Конан Дойла, неумолима и с возрастом становится только сильнее.

Увидев знакомый указатель, который означает, что через пять минут мы будем на месте, я бросаю взгляд на недовольного Бессонова и судорожно пытаюсь придумать, что скажу ему на прощание. И скажу ли что-то вообще. Вроде бы и нащупываю нечто, граничащее с сарказмом и прямым пожеланием идти на три веселых буквы, но все не то. Уверена, что самый крутой ответ я придумаю, когда буду лежать у себя в спальне одна.

Правда, я обо всем этом забываю, когда мы сворачиваем к нашему дому. В свете тусклого фонаря и под проливным дождем я издали замечаю фигуру отца, который по колено в грязи топчет выжившие пионы. И все бы ничего, не будь в его руках очередной бутылки.

Едва Бессонов тормозит у своего крыльца, я, не прощаясь, выскакиваю из машины и спешу подхватить папу под плечо, когда тот шатается и кренился в сторону, чтобы вот-вот распластаться в луже на подъездной дорожке. Я не поднимаю глаз, но чувствую, что Ян смотрит. Смотрит не отрываясь на нас, а у меня от испанского стыда сводит желудок. Тошнит, и к горлу подступает желчь. Что я вообще ела сегодня?

– Папа, папуль! Пошли, пожалуйста! Тебя не должны видеть таким, – бесполезно умоляю я, потому что он снова не в адеквате, бродит на границе реальности и фантазий.

– Лизочка, она вернется ко мне... Она обязательно...

Он спотыкается на ступеньке, падает на колени, и его выворачивает прямо перед дверью, а я изо всех сил стискиваю челюсти, чтобы не последовать его примеру. Слезы стекают по щекам и смешиваются с каплями дождя, делая их такими же солеными. Запах чистого влажного воздуха – единственное, что спасает от тошноты. Он и уверенность в том, что за мной наблюдают. Поэтому я собираю волю в кулак и помогаю папе подняться. Сначала нужно спрятать его дома, потом уже все остальное. Бессонову ничего не стоит пожаловаться инспектору, и тогда отцу продлят испытательный срок. Или

того хуже – заменят условный на тюремное заключение.

Папа вскоре засыпает на коврик в ванной, куда у меня получилось его дотащить, а я утыкаюсь затылком в стену и позволяю себе громко, с надрывом разрыдаться. Я не справляюсь. Понимаю, к чему все идет, но каждый раз верю ему. Каждый раз надеюсь всем сердцем, что завтра все будет по-другому. И снова горячо ошибаюсь.

Ему нужно лечение. Я знаю, не дура. Но мне так жаль его! Я ведь помню папу совсем другим – любящим, щедрым, счастливым. Тем, кто всегда был *со мной и за меня*. Я так боюсь его предать, сделать ему хуже. Что, если это повлияет на условный срок? Я знаю, что в рамках исправления он даже *должен* лечиться от зависимости, но что, если он не справится? Что, если он окончательно сдастся?

Спустя пять минут душевных терзаний я кусаю губы и молча беру тряпку в руки, чтобы смыть с пола всю грязь, которую мы за собой оставили. Поднимаюсь на второй этаж и откисаю под горячим душем чуть ли не полчаса. Стекаю без сил вместе с водой вниз и, усевшись на плитку, крепко-крепко обнимаю себя за плечи. Мне даже голову держать тяжело, поэтому я утыкаюсь лбом в колени.

Я уже говорила, что выбор свой не изменю. Но как порой невыносимо сложно с ним жить! Сложно и больно.

Ненавидела бы я Бессонова, сотвори Наташа что-то подобное с моим папой? Без сомнения. Я ненавидела его много лет подряд за гораздо меньшее. И теперь мне тошно от

несправедливо растроченной на такие мелочи злобы.

Глава 5

Ян

Я тру лицо и пытаюсь продрать глаза: ночка в салоне выдалась бессонной. Целиком покрыть «Хаммер» антигравийной пленкой оказалось задачей не из простых, зато пачка на ла согрела пустой карман. Плюс подправили мою малышку, машина сразу помолодела лет на пять. Еще бы суметь поспать днем – и счастью не было бы предела, но у Софы на меня имелись совсем другие планы.

Когда я спускаюсь из душа, она, напевая про солнце в Монако, уже вовсю хозяйничает на кухне в одних трусах. Любит она разгуливать по дому полуголой – провоцировать и напрашиваться на комплименты. Для нее это самая настоящая сцена, где она прима-балерина, а я покорный зритель, но, стоит признать, фигура у нее и правда зачетная.

Услышав мои шаги, Софа поднимает на меня взгляд, молча впивается им в кожу, словно пиранья, выжидает. Раньше глаз от нее оторвать не мог, а сейчас, спокойно моргнув, бросаю ей платье, которое подбираю рядом с диваном, где все началось.

– Оденься, скоро парни придут.

Она закатывает глаза почти до белков и, цокнув языком, полностью меня игнорирует.

– Омлет будешь?

– На соевом молоке, без желтков, соли и бекона? Нет, пиццы поем.

Софа перекладывает готовое блюдо на тарелку и обдаёт раскаленную сковороду водой.

– Я не виновата, что пухну от любой лишней калории, – под шипение охлаждающейся нержавеющей причитает она, – а у тебя тело от Бога такое.

Преувеличивает, как всегда. Софа не растолстеет, даже если месяц будет давиться пончиками: уже проходили, когда ей не дали ведущую партию в новой шоу-программе. Ее тогда жестко накрыло. Сейчас же она просто откровенно кланчивается похвалу, кажется совсем позабыв, что на меня эти приемы давно не действуют. Я не привык повторять одно и то же по десять раз на дню, как ей того хотелось бы. И она не права. Бог к моему телу не имеет никакого отношения: когда надо, я по полдня гоняю себя через мясорубку в зале, чтобы быть в форме.

Обойдя ее, я складываю грязные миски в посудомойку и включаю робот-пылесос. Софа по жизни не отличается чистоплотностью, но в целом меня это не напрягает. В двадцать первом веке с таким количеством разнообразной техники и доступной услугой еженедельного клининга кого вообще это может напрягать?

Она ловит меня минут через десять, когда я закидываю в стиралку разбросанное по ванной белье. Стоит, оттопырив

задницу, в дверном проеме и потягивает свой любимый черный кофе без молока и сахара. Как она вообще эту бурду пьет?

– Ты зачастил с тусовками, – начинает издалека. А я все гадал, когда опять будет капать мне на мозги. – Может, хотя бы одну субботу отдохнем вдвоем?

Я молча выхожу из ванной, чтобы не опуститься до ссоры. С Софой разгон от нормального диалога до криков с полетом посуды происходит в лучших традициях «Феррари» – меньше чем за четыре секунды.

– Так что ты думаешь? – Она усаживается на барный стул и призывно раздвигает длинные ноги. Софа слишком хорошо владеет телом, не зря с четырех лет все свободное время посвящает танцам, но иногда эта игра надоедает.

– Не сегодня.

Она злится, я вижу. Спасибо и за то, что пытается сдержаться.

– Ты даже не пьешь почти, зачем собирать у себя этот пьяный сброд? – долго не выдержав, цедит сквозь зубы. – Лишние деньги нашлись? Особенно когда твоя мама...

– Не начинай, – резко перебиваю я, не повышая голос, но уже на грани. Не ей учить меня, на что мне тратить бабло. И не ей напоминать мне о матери. – Как раз чтобы этот самый сброд держать под контролем.

Софа обиженно надувает щеки и складывает руки на груди, отключая свою сексуальность.

– Я ведь тоже альфа, почему у меня нет никаких привилегий? Опять мне придется терпеть тупые шутки твоего Остроумова?

– Не знаю, когда у вас началась эта взаимная неприязнь, но тебе не придется. – Она радуется, только вот рано. – Сегодня собираемся без девчонок.

Ее взгляд простреливает мой лоб навывлет. Я не шучу: явно слышу в голове громкое «бам», когда она смотрит на меня. Уже предвкушаю вынос мозга, будто мне без этого мало. За те два часа, что Софа тусит у меня, она успела поорать из-за проваленного зачета, который надеялась получить за красивые глаза (голые ноги). Сразу после секса она ударилась в слезы, пытаясь пронять меня сопливой драмой по поводу того, что банк урезал ей лимит по кредитной карте и она теперь не знает, как с этим жить. Ну а вечное нытье, что в каком-то номере другая солистка задвигает ее на второй план, я уже пропускаю мимо ушей. Напрашивается шутка про плохого танцора, но это будет неправдой: двигается Софа потрясно, сложно отрицать. Просто уверен, что в ее театральной среде имеются звезды на порядок выше уровнем. Я ведь не считаю себя лучшим в мире игроком. Хотя девчонки из универа с этим утверждением бы поспорили.

– И ты точно не передумаешь? – Она спрашивает таким тоном, будто я ее оскорбил.

Я мог бы передумать, но не хочу.

– Сегодня – нет.

– Вы что, никак не отстанете от парня? – догадывается она о цели вечерней тусовки. – Ну понтуется он, бывает. Играет ведь неплохо, ты сам говорил.

Не люблю, когда лезут не в свое дело.

– Что-то к Ланской у тебя такого снисхождения нет.

От одного упоминания этой девчонки Софа мигом переключается в состояние бесконтрольной злобы. Она трясет головой и хмурится.

– Эта семейка сделала тебе больно, а за тех, кого люблю, я готова убивать.

– То-то же.

Через полчаса ко мне с сотрясающим стены шумом и тонной алкоголя почти в полном составе заваливаются «волки», и дом сразу перестает казаться пустым и огромным. Они расползаются по этажу, заполняя каждый метр, и скоро я уже не нахожу места, куда приземлиться. Заказав бургеры на всю стаю, я сгоняю с дивана в гостиной Илью, нашего фулбэка⁸, и тот, послав меня, удаляется за пивом, которым теперь забит и холодильник, и морозилка.

Софа, поздоровавшись со всеми, кроме Саввы, виляет задницей и демонстративно уходит, но, когда я ее не останавливаю, возвращается, чтобы поцеловать меня на прощание.

Спустя час-два появляются и другие. Серж, сын нашего декана, чуть ли не с ноги врывается в веселье, чтобы тор-

⁸ Замыкающий игрок защиты в регби.

жественно раздать всем ответы на экзаменационный тест по мировой политике. Он по-прежнему пытается завоевать авторитет, которого у него нет и не будет с таким подходом. Парни у нас в компании разные, но купить их не выйдет.

– А когда ты рухлядь свою собираешься менять? – Мирон влезает в разговор с подачи Книжника. – Папаша не хочет подарить тебе нормальную тачку? Есть пара интересных предложений.

Все знают моего отца, но лишь немногие в курсе, что живу я не за его счет.

– Мне нравится ретро, – пресекаю я тупую болтовню и на полную мощность врубаю колонку, забив на позднее время. Настраиваю басы и прошу Сержа кинуть мне холодную колу. Ловлю в фокус Салагу и киваю Дэну: можно переходить к делу.

– Салага! – басит Остроумов и уже тише добавляет: – Кто-нибудь помнит, как его зовут?

Парни разводят руками и откровенно ржут, когда амбал подпрыгивает на месте, явно пугаясь, а затем делает надменное выражение лица.

– Здорово, мужики! – нападает на нас с медвежьими рукопожатиями, еще и по спине пытается хлопать.

Убого.

– Давай сюда! – Савва за шиворот усаживает его между нами и закидывает руку ему на плечо. – Ну что, Расскажи, как тебе у нас.

– Ничё, пойдёт.

«Пойдет»? Мы с Остроумовым понимаем друг друга без слов. Дэн и Мир в это время ухихатываются за его спиной, наливая в пустую бутылку из-под «Макаллана» дешевый портвейн из местной забегаловки. Они еще и таблетки какие-то сверху кидают. Нахмурившись, я киваю, мол, что это, а Дэн изображает выхлоп из задницы. Дураки. Я не любитель этого детского сада, но Салага сам напрашивается, бесконечно понтуясь.

– Как в команде тебе? – продолжает разводить его Савва, а тот улыбается. Нет, он реально думает, что так хорош?

– Ну не круче нашей футбольной, но вы тоже зачетные.

Мудак он. Самый настоящий. Играет как валенок, еще и брешет без остановки. Отец Книжника работает в органах, он пробил его отца – тот погорел на мутках с финансовыми пирамидами. И никакого загородного особняка, куда приду-рок без конца обещает всех пригласить, как обживется после переезда, у них нет. Сбежали они с папашей из столицы, чтобы их не сожрали те, чьи деньги были благополучно спущены на ветер. И тачка у него, кстати, арендованная. Лживый кусок мяса. Выпьет – сам будет виноват. Моя совесть чиста.

– Ну и как на вкус? – еле сдерживаясь, чтобы не сложиться от смеха пополам, спрашивает Дэн Салагу. А тот, улыбаясь, давится, но выпивает.

– Пушка, – кивает он, – сразу видно – годное пойло.

Ой, да гори в аду, и достойно тебе прочистить кишки.

Парни тоже ловят волну и тупо ищут пределы этого бреда, только ему конца и края нет.

– И прямо звездой был? Правда?

– И прям папаша у тебя при бабле?

– Да ну, жил на Бали год?

– Это ты столько девчонок поимел?

– Да я и тут успел.

Я реагирую на общий гул и хлопки. Мирон, засунув пальцы в рот, свистит так, что у меня выгибаются барабанные перепонки. Книжник с грохотом лупит ладонями по столу, будто каратист, намеревающийся разбить его пополам. Савва еще умудряется изобразить удивление, а мне настолько надоедает этот дешевый фарс, что я готовлюсь врезать Салаге промеж глаз.

– Ох, нихуа-хуа! И кто счастливица?

Стискиваю зубы, хрущу шеей; переплетя пальцы, разминаю ладони.

– Да эта ваша, – он чешет репу, будто вспоминает, – Ланская.

Что?

– Но гордиться нечем, она сейчас, наверное, согласна на любой член. Это я по незнанию ткнул...

С последними словами его лоб впечатывается в журнальный столик.

– Достал этот цирк. – Толкнув Салагу пяткой в бок и скинув его на пол, я пожимаю плечами в ответ на задранные

брови Саввы.

Народ чует кровь, рассыпается в стороны, пропускает нас вперед. Дэн убирает стол к стене. Пахнет жареным. Слышен шепот за спиной и всхлипы с пола. Я вытягиваю руку, в которую тут же падает регбийный мяч, и с ходу впечатываю его в харкающего слюной дебила. По заднице, чтобы унизитьней.

Не люблю насилие, тупые драки, жесть, но статус требует держать «стаю» в тонусе. А для большинства «волков» язык силы – самый понятный.

– У нас нет места балаболам.

Я наступаю, даю выход нарастающему гневу. Кровь в ушах ревет, как сирена ядерной тревоги. Злость ритмично колотит в виски, будто битой. Он попросился, знаю, меня не колышет его нытье и «пожалуйста, хватит». Раньше надо было думать. Я не позволю...

В три подсрачника Салага вылетает за дверь. Я беру его за грудки и спускаю с крыльца. Вся его спесь вмиг куда-то исчезает. На лице уже совсем другие эмоции: страх, раскаяние, обида, боль. Глаза красные, вот-вот расплчется. Чмо, не иначе. Все-таки интуиция меня, как всегда, не подвела.

– Я все понял, понял! – Он падает на задницу и ползет назад, обтирая землю. – Я больше... если ты это из-за Ланской...

Каждое ее упоминание как бензин в костер.

Я застываю над ним. Молчу, не делаю резких движений,

а тот сходит с ума. Ему некуда спрятаться, спиной он упирается в припаркованную тачку Саввы и глубоко дышит, время от времени хлюпая разбитым носом и стирая запястьем капающую кровь. Размазать бы его в фарш, да кулаки марать как-то не хочется.

Бык в сто кило, называется, блин. Жалкий.

– Исчез с моих глаз. – Я слышу свой ровный голос будто со стороны.

– Слушай, я обещаю... – Сам себе роет могилу.

Я сажусь рядом с ним, забираю торчащую из его кармана пачку «Кента» с зажигалкой и подкуриваю одну. Только пару тяг – и брошу.

– Если хотя бы раз попадешься мне на глаза, пеняй на себя. Тренеру все скажешь сам. Нам такие слизняки в команде не упали.

Скулит. Он крепко жмурится и скулит, когда я подношу к его шее тлеющую сигарету, а меня это чертовски веселит. Я выдыхаю ему в рожу дым вместе с желанием убивать.

– Свалил, – говорю негромко одновременно с тем, как его живот издает утробный звук.

– Да, только можно я...

Покусится на мою уборную?

– Нет. Не буду повторять дважды. Три, два...

На «один» он подпрыгивает и с пробуксовкой рвет со старта. Я тушу окурок прямо об коробку и прячу в карман. Мне почти смешно наблюдать, как он стонет, схватившись за жи-

вот, как выгибается, пока лезет в тачку.

Что ж, возможно, он не отмоеет ее никогда.

– Ну ты и бес! – вывалившись на улицу, толкает меня плечом Дэн и хохочет на весь район. Он на свой страх и риск лохматит мне волосы, а затем с топотом и выпученными глазами заводит хаку – ритуальный танец народа маори, модный у новозеландских спортсменов, который на первый взгляд больше напоминает шабаш ведьм.

Через минуту, агрессивно размахивая руками и подвывая Книжнику, во дворе беснуются уже все. В домах напротив загорается свет, откуда-то слышатся обещания вызвать полицию, если не прекратим, но, честно, мне давно насрать. Если они хотят забрать кого-то в обезьянник, пусть зайдут в соседнюю дверь.

Вдоволь наржавшись, я издаю победный клич, и действие сворачивается. Мужики ревут во весь голос, заливают смех пивом и собираются зайти в дом, когда кто-то из них неожиданно выдает:

– Мне кажется, или это Ланская?

– Да ну, Бес! Твоя подруга идет! – рискует Мир здоровьем.

Я почти лениво поворачиваю голову, и меня замыкает. Потому что я и правда вижу, как из-за угла выруливает соседка. С кривым хвостом и в пижаме. Я специально бросаю взгляд на часы и не понимаю, что она забыла на улице в два часа ночи. А та, обнимая себя за плечи, спешит так, что спотыкается раз и два, и почти тормозит, когда видит нашу тол-

пу. Медлит, но глаз не отводит. А парни заводятся, кричат ей, чтобы шла к нам.

– Слушай, – закинув руку мне на плечо и после моего взгляда убрав ее, говорит Остроумов мне на ухо, – а ты не думал отомстить ее папаше другим способом?

– Другим – это каким? – Я все еще наблюдаю издалека, как эта дура настырно приближается к дому, гордо задрав подбородок. Конечно, капюшона же нет, чтобы спрятаться.

Походка уверенная, взгляд прямой, губы плотно сжаты, а с ее растянутой серой майки на меня пялится огромная пучеглазая сова.

Нет, ну она это серьезно?

– Если ее папашу нельзя посадить, может, просто размазать его?

– Ты можешь говорить прямо, а не загадками, как гребанный Йода? – Я теряю терпение, а Савва играет бровями, как будто я телка, которая с ним флиртует.

Бесит, зарываться стал.

– Трахни ее и брось, раз ей так нравятся члены.

– Ты реально веришь бреду, который он нес?

– Да вообще пофигу. – Остроумов пожимает плечами и цинично ухмыляется. – Тебе ж даже напрягаться не придется, чтоб она запала. Поимей малышку, разбей сердечко, поглумись над ней, фоточки разошли... Да тут, блин, такой разгул для фантазии!

– А Софу мне в клетку посадить, пока эту окучивать буду,

да?

– Вот она! – хохочет он, закинув голову назад так, что хочется переломить ему кадык. – Великая моногамная задница подала голос! Как ты скучно живешь, а...

– Не твое дело, – плюю в ответ, но Савва все равно прет напролом.

– Ни хрена твоя праведность не поможет тебе отомстить. Эй, Мишель! Зайка, иди к нам! – шипит змеиным голосом, а я мысленно приказываю ей бежать со всех ног.

Но Ланская глупо прет через двор прямо к нам.

Глава 6

Мика

Я просыпаюсь с тяжелой головой и песком в глазах. За окном темно, только свет уличного фонаря бьет в лицо. Из колонки приглушенно доносятся «Венгерские танцы» Брамса. Я укрыта пледом, которого не было, и по-прежнему одета в джинсы, что были на мне с утра, а ноутбук благополучно сполз на пол. Видимо, опять заснула, пока переводила новые главы про детектива и его помощницу. Не смогла оторваться: там пахло поцелуями (ага, после четырех книг без них!), и я, как ненормальная, сидела до победного. Спойлер: поцелуя не случилось. Наверное, мы состаримся к тому моменту, когда герои сблизятся. Но, если автор еще и убьет кого-то из них, как это сделал мой папа, я первая полечу в Лондон на марш протеста.

Медленно собираю себя в кучу и стекаю с кресла. Разминаю затекшую шею и вздрагиваю оттого, что в смежную с соседями стену что-то с грохотом врезается. Или кто-то. Ясно-понятно, что меня разбудило: тяжелая музыка с басами, которые вибрируют где-то в желудке, играет все громче. У Бессонова очередная волчья тусовка. Господи, надеюсь, они разнесут ему весь дом.

Я уже наизусть знаю плейлист из-за стенки, поэтому даже

подпеваю The Offspring про детей, с которыми не все в порядке⁹. С музыкальным сопровождением пью из фильтра воду и поглядываю в зеркальные створки холодильника – мамина любимая фишка, чтобы, по ее словам, держать себя в форме. Не знаю, в какой такой форме эта ерунда держит, но вот меня зеркала каждый раз только угнетают.

Нет, я не жалуясь на фигуру, она у меня нормальная: и грудь есть, и талия. Бедра чуть большеваты, но это широкая кость – так, по крайней мере, всегда твердила мама. Меня убивает другое. Например, мои волосы: я уснула с влажной головой и теперь точно не усмирю эту копну в стиле афро, поэтому просто завязываю на макушке пушистый хвост.

Вымучиваю улыбку и бешусь еще сильнее, потому что ненавижу свои выпирающие клыки. В детстве мне их вырвали, чтобы передние зубы встали на место, но, когда начали расти коренные, все пошло не по плану. Родители пожалели меня и не стали насильно ставить пластинки: я боялась, что меня будут дразнить. Поэтому заработала комплекс на всю жизнь. Это я уже сейчас научилась рефлексивно прикрывать рот рукой, когда смеюсь, и улыбаться без зубов, раньше у меня через день была бы истерика. Как-то раз я даже порезала все фотографии, где были видны зубы.

И это я еще молчу про шрамы, которые заработала, втихоря сжигая мамины фигурные свечи: в двенадцать я часто пе-

⁹ Имеется в виду композиция «The Kids Aren't Alright» рок-группы The Offspring.

реодевалась в ее шелковый халат и воображала себя такой же крутой актрисой. Свечи жгла для атмосферы, а в итоге подожгла синтетический тюль в родительской комнате. Все закончилось почти хорошо благодаря садовому шлангу. А про щиколотку и мой позор перед Бессоновым я даже вспоминать не хочу. Слава богу, мы учились в разных школах (он – в спортивной), и не пришлось хотя бы там встречаться с ним – чтобы сгорать от стыда, хватало и двора.

Кривлюсь сама себе, а после убегаю в ванную, где быстро скидываю джинсы с кофтой и отправляю их в корзину для белья. Понюхав пижаму из сушилки, потому что ненавижу, когда папа забывает и портит мою одежду своим кондиционером, я уже предвкушаю сон. О да, в мягкой кровати с ортопедической подушкой: мама пару лет назад накупила их для всей семьи, чахнувшей за компьютерами. Но между ребер внезапно простреливает. Я не могу сделать вдох.

Дверь в папину спальню открыта, а он всегда запирает ее за собой. Пол усеян клочками бумаги, а это очень нехороший знак. Сердце сжимается, щемит в груди. Я не слышу музыки: пульс барабанит в висках. Я будто проваливаюсь в бездну; в животе все переворачивается, как при свободном падении. Боюсь сделать шаг, потому как уже знаю, что меня ждет.

Заглядываю в комнату, но там никого нет. Папы нет. Забыв обо всем, я обегаю весь дом – пусто. Точно ищейка, с надеждой обыскиваю двор – нет, никого, пустота. Во мне мигом закипает злость. Ну что, он совсем не понимает? Если

его заметят после десяти на улице, еще и в нетрезвом виде... да кто угодно! Соседи, прохожие, не дай бог, тот же Бессонов! Если его вдруг заберут в дежурную часть, то он... Он ведь не отделается предупреждением! С его вечными опозданиями на несколько дней в инспекцию, с тем, как он грубил сотрудникам... Он же просто сядет в тюрьму!

Главное правило условного срока – исправление осужденного. А этот осужденный ни черта не хочет исправляться! Ему словно все равно. Иногда мне кажется, что он намеренно ищет неприятностей, пока я извожу себя, беспокоясь о нем.

В чем была прыгаю в «конверсы» и вылетаю из дома. Даже без ключей. И мой забег по району напоминает девять кругов Дантова ада. Я ношусь по дворам, заглядываю на детскую площадку, рыскаю в местном магазине. За каждым углом, где я снова не нахожу отца, меня ждет очередная невыносимо болезненная порция разочарования. В «наливайке» его тоже нет. У озера только пара машин, в которых, скорее всего, занимаются сексом. На остановке гуляет ветер.

Мне кажется, что вся моя истерика длится один сумасшедший миг, на деле же я успеваю вспотеть, чтобы потом замерзнуть. А когда смотрю на часы, оказывается, что прошел целый час. Отчаяние накрывает меня с головой. Я сдуваюсь, перекрещиваю на груди руки – только бы не рассыпаться – и тащусь домой. Я собираюсь сделать кофе и сторожить папу на крыльце хоть до утра: если он ведет себя как

ребенок, мне придется быть взрослой за двоих. Но меня внезапно окликают.

– Мне кажется или это Ланская?

– Да она это, debil!

– Мика!

Я поднимаю голову, застываю, оценивая обстановку, и вся накопленная злость просится наружу. Прямо в сторону компании гиен.

– Эй, Мишель! Зайка, иди к нам! – слащаво и заискивающе зовет меня Остроумов.

Будто интонация что-то изменит. Будто я тупая и поверю ему.

Взгляд скользит с его лохматой головы на захлебывающегося смехом Книжника, который хлопает по плечу еще одного их мерзкого друга, Мирона Давыдова, а затем останавливается на *нем*. На Бессонове, что стоит чуть в стороне ото всех и с надменным видом созерцает происходящее.

Ненавижу.

Я ненавижу их всех! За всё! Потому что они издеваются надо мной. Потому что кичатся силой, которой у них от природы больше. Потому что все они – отвратительные бесхребетные животные, которые ходят перед их любимым Бесом на задних лапках. Я ненавижу его самого за то, что он их всех натравил на меня и никак это не остановит. Возникает такое острое желание вызвать полицию, что я почти наяву вижу, как этих дураков разгоняют по домам. А может, мне

особенно повезет и кого-то даже свозят на экскурсию в обзьянник. Но из-за папы этого делать нельзя. Это злит особенно сильно.

Сердце бьется быстрее, к щекам приливает кровь, тело вытягивается струной. Я не знаю, что им от меня нужно, но прятаться негде: чтобы зайти в дом, я все равно должна пройти мимо них. Нельзя давать слабинку.

– Чего тебе? – бросаю, точно плевок, замерев в паре метров от Остроумова и компании. Я остаюсь возле клумбы, будто земля по волшебству подарит мне силы. Смешно, но сейчас, когда передо мной целая толпа голодных волков, я поверю во что угодно. Хотя половина из них больше напоминает пьяных свиней.

– Ауч! Полегче, малыш. – Остроумов изображает, что моя резкость поразила его в самое сердце. – Не дело такой милашке бродить ночами одной.

– Я пошла. – Не собираясь слушать бред парня, который еще позавчера ставил мне подножки, я отворачиваюсь от Бессонова, прожигающего меня взглядом. Я не могу больше видеть его глаза, и так все время чувствую проклятую вину из-за Наташи.

– Стой! Мишель, ну стой, хорошая! – Остроумов так резко хватает меня за локоть, что я пугаюсь и изо всех сил с разворота бью коленом ему в пах.

Черт. Это плохо. Если до этого я еще могла избежать проблем, то теперь я их точно нажила.

– Сав, – рыпается к нему Книжник, но Остроумов его тормозит. Согнувшись, он подвывает и матерится.

– Норм, все нормально. – Остроумов упирается ладонями в колени и смотрит на меня снизу вверх сквозь кудрявую челку. – Мы, наверное, не с того начали. Но я повторю предложение присоединиться к нам.

– Издеваешься? – по-прежнему не понимаю я. Почему они не оставят меня в покое?

– Давай, – он поправляет ширинку и выдыхает через сложенные трубочкой губы, – сыграем в «Правду или действие». Или в бутылочку. Нам скучно.

– Так играйте сами, у вас для бутылочки как раз подходящая компания. – Я ухмыляюсь. Мне страшно, но я смеюсь.

– Тогда бир-понг? Пацаны там как раз готовят стол.

– Я хороша в настольном теннисе, но нет.

– Может, пора зарыть топор войны? Бессоныш не против, да?

Я отказываюсь смотреть в *его* сторону, но и без того знаю, что он против. А вот что задумал Остроумов, не понимаю. Он всегда выпендривается больше всех. Если другие вторят Бессонову, слушая каждое его слово, то этот вечно делает все поперек. Как они вообще дружат? С такими друзьями и врагов не нужно. Неужели этого никто не замечает?

Еле удерживаю себя на месте, чтобы не начать пятиться, когда Остроумов вдруг наступает, подходит ближе и убирает выбившуюся из моего хвоста прядь за ухо. В свете фонаря

его глаза опасно блестят. Модная щетина и браслеты, белая футболка и рваные джинсы – вот и весь Остроумов. Девочки таскаются за ним не меньше, чем за Бессоновым, но на меня его неповторимый (дешевый) шарм не действует.

Наверное, это все закончилось бы в ту же минуту. Я уже готова уйти, наплевав на предложение фальшивого мира и надежду на беспечную университетскую жизнь. Но все меняется в один миг. Я замечаю на дороге тень, и меня прошибает пот. Боже, как я не догадалась проверить заброшку? Из окна машины, которая стоит через пару домов, кто-то ненадолго высовывается и вновь прячется. Черт!

На старом «Опеле» спущены колеса и разбиты фары: папин знакомый около года назад переехал по работе в Грузию и оставил ключи, чтобы при необходимости показывать машину покупателям. Покупателей не нашлось. Машина продолжает стоять на дороге мертвым грузом. И папа в ней иногда выпивает и спит. Почему я забыла об этом, не знаю. Мне до ужаса страшно, что кто-то из «волков» увидит его, поэтому я делаю то, что первое приходит в голову.

– Хорошо, пойдем, – говорю я и тяну Остроумова за рукав мимо Бессонова и толпы. Нужно как можно быстрее увести их всех с улицы, чтобы никто не додумался, не увидел... Чего бы это ни стоило.

– Воу-воу, какая прыть! – ржут за спиной.

– Детка, я завелся!

– Ноги ее не будет в моем доме, – громом разносится по

округе грубый голос. Он режет воздух, как гильотина. И это даже не восклицание, не повышенный тон, не приказ, но все замирают, как безвольные фигуры на шахматной доске, и ждут решения Его Величества.

Что в Бессонове такого? Почему я вместе с остальными не смею сделать шаг? Но Остроумов подталкивает меня вперед.

– Тогда мы пойдем на задний двор. – Плевать он хотел на жоака, и я не пойму, нравится мне это в нем или только сильнее бесит. Нет, ну а почему он тогда послушно докапывался до меня по указке Бессонова? – Пацаны, вытащите стол на улицу?

Когда я переступаю порог соседской части дома, все взгляды устремляются в мою сторону. Все продолжают пялиться на нас, пока мы пересекаем коридор и оказываемся там, где я часто видела Яна; здесь находятся бассейн, турники, а теперь еще теннисный стол.

– Условия, – бросаю я.

Остроумов ухмыляется, а я чувствую на себе тяжесть внимания. Со спины наступают те, кто вышел из дома следом за нами.

– Зайка, я на твоей стороне. – Остроумов касается моего плеча, но я дергаю им, сбрасывая его ладонь.

– Я тебе не верю, – произношу насколько могу спокойно. Это не шоу для всех, просто не хочу, чтобы Остроумов думал, что я попала на такой примитивный крючок. – Вы еще вчера издевались надо мной.

– А сегодня заметили, какая ты милашка! – широко улыбается он, пока другие подозрительно молчат. – Не суть. Сыграем пара на пару. Условия? Если ты выиграешь, тебя перестанут донимать, так, Бес?

Я с трудом не вздрагиваю от его прозвища. Специально же не смотрела вокруг в надежде, что он плюнул на этот цирк и не пошел с толпой.

– Проиграешь – целуешь нашего мачо, – не дожидаясь ответа Бессонова, заявляет Остроумов.

Это очень плохая затея. Ужасная. Вокруг целая стая, много телефонов и алкоголя. Но я ведь хорошо играю. Мы много лет подряд целые вечера проводили с папой в парке за теннисом. Правда, последний раз был в выпускном классе, два года назад. И бир-понг, если уж на то пошло, никак не связан со спортом. Но убежать нельзя. Это шанс. На меня смотрит *он*. Я чувствую это затылком, который горит.

– Я пас, – говорит Бессонов, и я незаметно выдыхаю. Папа, которого я заставляю вернуться домой, мягкая кровать и сон – вот что меня ждет.

– Ну Ян!

– Я не пью. – Голос звучит ровно и без эмоций, но с таким тоном не спорят. А Остроумову, кажется, наплевать.

– Тогда выбери того, кто сыграет за тебя. Я с малышкой. – Он снова толкает меня, но на этот раз бедром.

Господи, что я здесь делаю? Запоздалая реакция душит, я жадно втягиваю воздух.

– Ты ведь можешь намеренно проигрывать. И как мне тебе доверять? – спрашиваю я Остроумова, который наклоняется и щекочет дыханием мою щеку и ухо.

– Я отвечаю, что расшибусь, чтобы помочь тебе.

Он врет. Трезвым разумом я понимаю это, но он смотрит на меня так, что мне хочется верить. Это плохая затея.

– Так кто сыграет за нашего жожака? – отвлекается он, разрывая контакт, от которого мурашки бегут по спине. Не уверена, приятные или нет.

– Да мы зайдем, – говорит Книжник, и они с Давыдовым становятся по другую сторону стола, пока пиво разливают в пустые стаканы, выстроенные треугольником.

А затылок по-прежнему жжет, и я очень надеюсь, что не пожалею обо всем этом.

Глава 7

Ян

Это не поддается контролю. Мне противна даже мысль о ней в моем доме. К горлу подступает ком, давит желудок, легкие рвет в клочья – иначе почему я так часто дышу? Мне до вывернутых наизнанку ребер неприятно видеть ее на фоне родных стен, слышать, как в гуле знакомых голосов тонет ее голос. Омерзительно даже просто чувствовать ее рядом, в каких-то жалких нескольких метрах от меня.

Она отравляет все. После нее ночной воздух, влажный из-за близости озера, кажется чистым ядом. Он уже проникает в тело: кожу жжет, воздуха не хватает, уплывает сознание. Я всей душой ненавижу то, что происходит: как она смеется после очередного попадания, запрокинув голову назад и демонстрируя длинную шею, как, проиграв партию, заливает в себя пиво и бьет пять Остроумову. С ним у нас будет отдельный разговор.

В ней течет та же кровь, что и в ее отце. Это мерзко. Зато парни вокруг похотливо облизываются на ее плоский живот и голый пупок, которым она светит, завязав широкую майку узлом на груди. А я вижу лишь мелкие шрамы на ее боку, будто от ожогов, которые уходят под резинку пижамных штанов. Я ничего не знаю про них, но хорошо помню ее жал-

кие попытки играть с парнями в футбол.

Сколько ей было? Десять? Это был первый и последний раз, когда я допустил девчонку к нам. Она пропахала коленями газон и в слезах убежала за мячом в кусты, где напоролась на стекло. Пришлось на руках тащить ее, вопящую, домой и слушать причитания ее папаши. Еще тогда нужно было сгноить его: мир стал бы чуточку лучше. С мамой все было бы хорошо.

Я чувствую на языке фантомную горечь и резко выдыхаю через нос, будто получив под дых, когда она распускает свою гриву, а следом улыбается в тридцать два. Я никогда не видел ее широкой улыбки.

– Три-три! – орет кто-то из толпы.

– Слушай, Бес, – толкает в бок и, прикалываясь, пытается меня Мирон, – ты очень хочешь с ней пососаться? А то, может, мы тут напрасно надрываемся? Девчонка молодцом идет.

Он понимает мой ответ без слов. А я понимаю, что она всех очаровывает, блин. Она слишком живая, чтобы ее игнорировать. И куда делась та фанатичная ненависть, если каждый здесь с удовольствием бы нагнул ее над этим столом?

– Ты тоже вместо головы думаешь членом? – срываюсь я на Дэна, который пьет очередной стакан после меткого попадания Ланской. У него в прямом смысле текут на нее слюни. Полный атас. Пора прощаться. – Кончайте ее, – говорю Мирону и получаю короткий кивок.

Илья волком воет, заводя парней, те бушуют и орут, болея уже хрен пойми за кого. Савва явно не поддается Книжнику, и я просто не секу, в чем соль. Но Мир по команде лупит один стакан за другим. Он король вечеринок, у девчонки не было шансов.

Я вижу, как меняется у той лицо, когда осознание накатывает на нее. Кажется, она в один миг трезвеет, отдергивает пальцы от полного стакана, будто обожглась. Я вот одного не пойму: она правда не дружит с головой? Впереться в дом, полный мужиков. А если бы ее тут по кругу пустили? Или Салага все же говорил правду?

– У-у-у! – тянут волки.

– Детка, жги! – кивает Остроумов.

– Карточный долг – дело чести, – как клоун, поклонившись ей, громко заявляет Мирон.

Ланская стоит на месте, не шевелится и, кажется, не дышит. Зрочки сожрали радужку. От страха или от предвкушения? Может, ей сразу предложить член?

– Это просто поцелуй, – шепчет она еле слышно одними губами, на которые я смотрю. Они снова покусаны и обветрены. Уверен, от нее несет пивом, и меня заранее тошнит.

Нет, ни при каких условиях – эта мысль пульсирует в висках, затем несется бегущей строкой перед глазами, но я все равно молчу, пока Ланская огибает стол и медленно уничтожает метры между нами.

Я хочу ударить сильнее, поэтому жду. Жду критичный мо-

мент, предвкушаю ее распахнутые совиные глаза и застывшие в них слезы. Нет, я хочу, чтобы они лились градом. Я хочу, чтобы она поняла: это не игры для сопливых девчонок. Ей, в конце концов, нужно понять, что это взрослый и жестокий мир. На ее лбу пульсирует вена, я хорошо это вижу, потому что она останавливается в шаге от меня. Нижняя губа едва заметно дрожит. Грудь скачет вверх-вниз, сдав ее с потрохами.

– Боишься? – Я не хочу вести с ней диалог, но зачем-то спрашиваю.

Ее брови сходятся на переносице.

– Если это какой-то извращенный способ снова поиздаться надо мной...

– Ничего не будет, – говорю я и затем повторяю еще громче: – Не хочу, чтобы меня стошнило.

Все разом переобуваются и бесконечно гудят. Она сглатывает, поджимает губы, но почему-то будто выдыхает. Я совсем не этого хотел. Где слезы? Где истерика? Где все это?

– Я подумала о том же.

Я открываю рот и тяну руку, чтобы...

– Тогда я за него, – встает между нами Савва и, потянув подбородок Ланской вверх, целует ее.

Остроумов целует Ланскую, запихнув свой язык прямо ей в рот. Твою мать.

Меня рвет на части. Противно, но я продолжаю смотреть. Как Савва терпит? Разве она может быть настолько вкусной,

чтобы с таким аппетитом жрать ее лицо?

Злость – или что бы это ни было – вибрирует между ребер. Все выходит из-под контроля. Уже. Я не контролирую ситуацию. Это неприемлемо. Все окрашивается в красный. В глазах вспышки. Сердце коротит.

– Это что за тело? – слышу будто издалека.

– В душе не знаю, пьянь какая-то.

Я с мясом отрываю взгляд от Ланской и смотрю поверх забора в сторону озера. Ничего не видно, кроме теней. И одна из них направляется прямо к нам, шатаясь с заносом в целый метр. Прежде чем меня озаряет, девчонка срывается со всех ног и едва не сносит с петель калитку в заборе. Она с ходу врывается в это тело и уводит его в кромешную темноту, где уже при желании не увидишь и зги.

– Это че, папаша ее?

– Может, навалить ему?

– Бес, ты...

– Я, – отвечаю до жути спокойно. – Заприте дверь. Савва, – киваю тому в сторону дома.

И едва мы оказываемся внутри, толкаю его в грудь.

– Это что было, а?

Тот задирает руки вверх и глухо смеется с самодовольной рожей.

– Чего только не сделаешь во имя вожака стаи. – Он пьян и внаглую отворачивается, чтобы подхватить с подоконника банку пива. С треском открывает ее и заливает в себя, пока

я с трудом сдерживаюсь, чтобы не снести ему башку. Остроумова спасает лишь тот факт, что я знаю его с малых лет. Но он давно чернит. А сейчас в край оборзел, и я не пойму причин.

Напряжение между нами разбивает ввалившийся в дом Книжник. Дэн, не обращая внимания на перестрелку взглядов, хлопает Савву по спине и пихает меня кулаком в плечо.

– А че за беспредел, Ян? – Он искренне недоумевает. – Почему Савве можно тусить с Ланской, когда она под запретом, а мне нет? Я бы сам с удовольствием. – Он пьяно ржет. – Она ж мне еще в прошлом году... Но если нет... – Дэн явно считывает все по моему лицу. – Если нет, то нет.

Ну а я, втянув с шипением воздух, шлю всех на хер и поднимаюсь к себе. Включаю Three Days Grace на всю громкость и заваливаюсь на кровать, забив на телефон, который остался где-то внизу.

Я хочу убивать. Это нормально вообще?

Ненависть заполняет так, что бьет через край. Кипящая кровь обжигает вены, больно жжет.

Я ненавижу Ланскую и все, что с ней связано.

Я ненавижу все, что происходит.

Я ненавижу.

Должен.

Я...

Глава 8

Мика

Кап.

Мне снится, что вода в озере выходит из берегов.

Кап-кап.

Она заливает все. Сбивает течением с ног и утягивает на дно.

Кап-кап-кап.

Я пытаюсь дышать, рву легкие, но те горят, заполняясь водой. Свет меркнет, меня окутывает мертвая тишина. Последний выдох...

— *Ланская?* — слышу я знакомый голос, размазанный глубиной.

Вдох...

Я резко открываю глаза и испуганно втягиваю воздух. Пульс частит, я жадно дышу, схватившись за сердце. Вакуум растворяется, и на меня шумом обрушивается внешний мир: гремит гром, дождь нещадно барабанит по стеклу, из-за стены долбит воскресный, чтоб его, плейлист, а с потолка прямо мне на лоб капает... вода?

— Да твою ж... — бурчу под нос и, стиснув зубы, вытираю рукавом лицо.

Крыша снова течет. В прямом смысле. На самом деле она

текла еще в прошлом году, потому что сильный ветер сорвал часть черепицы. И папа еще тогда обещал вызвать работников, но осень и зима выдались сухие. Весной перед всеми этими событиями его хватило лишь на то, чтобы забраться на чердак и подставить под протечку ведро, а теперь... теперь на ремонт нужно найти деньги, которых у нас нет.

Все, что он накопил благодаря книгам и что должно было стать моей путевкой во взрослую жизнь, ушло через суд на лечение Наташи и оплату штрафов. Мама каждый месяц, конечно же, пополняет мою карту, но... все это сложно, в общем. Я иногда подрабатываю, когда становится особенно тяжело, а вот папа, который теперь числится в издательстве рецензентом на полставки, по постановлению суда будучи обязанным иметь официальную работу, – он, блин, совсем не старается! Он практически ничего не делает, целиком поглощенный поиском дурацкой музыки, чтоб ее!

Выдохнув, я выглядываю в окно, за которым льет дождь. После иду чистить зубы, а когда спускаюсь вниз, то нахожу папу там, где вчера оставила его, – распластанным на диване, в одежде и с перегаром. Проветриваю и, выпив воды, обреченно возвращаюсь в спальню, а мокрое пятно на кровати растет и растет.

Черт.

В теории я знаю, где у нас выход на чердак, но ни разу туда не поднималась. Приходится тащить с первого этажа наверх складную лестницу весом, по ощущениям, в пару тонн и ка-

рабкаться по ней, изображая из себя эквилибриста. И вот я уже с трудом держусь за поручни, стиснув кулаки, а люк все никак не поддается. Не открывается, блин! Только с пятой попытки у меня получается с грохотом распахнуть его и, по моему, сорвать с петель. Но даже это не будит папу. А жаль.

Подтянувшись на руках, я оказываюсь в заросшем паутиной низком, но широком помещении. Влажность тотчас бьет в нос. То самое злосчастное ведро стоит посреди чердака полное, а с крыши уже не капает, а перманентно течет толстая струя воды. И пока я оцениваю исходные условия, в голове возникает вопрос: как мне стащить это чертово ведро вниз?

Пробравшись ближе к середине чердака, я честно пытаюсь поднять его и тут же шумно роняю обратно; ладони обжигает тяжесть, вода еще больше расплескивается. Я даже до окна его не дотащу. Молча оглядываюсь по сторонам в надежде что-нибудь придумать, когда...

– Просто ответь на вопрос! – доносится до меня приглушенный стенами крик. Этот хриплый, будто прокуренный, голос я знаю: Лазарева, девушка Бессонова. Навострив уши, я только сейчас понимаю, что режет слух: музыки нет. Вместо нее я слышу ссору этих двоих. Точнее, сольное выступление Софы. – Ты сказал, вы будете отдыхать с парнями, так какого черта здесь была эта дрянь? Почему я узнаю об этом из общего чата? Я звонила тебе! Полночи!

Это она обо мне?

Я кусаю губу и осторожно, на цыпочках, пригнув голову, прохожу дальше по чердаку. Звуки становятся громче, и я понимаю, что стою, по всей видимости, прямо над спальней Яна. Получается, у нас один общий чердак? Сколько лет живу здесь, а никогда не знала. И если на люке, который ведет на половину Бессоновых, нет замков, то я вообще могу пробраться через чердак к ним в дом? Обалдеть. От этой мысли у меня кружится голова. Я думала, что, несмотря на общую крышу, чердак должен быть как-то разграничен между соседями. Хотя чему я удивляюсь: до нас в этом доме жила одна большая семья, это при продаже хозяин выстроил во дворе забор и разделил дом надвое, превратив его в таунхаус. Мы заехали в свою половину на полгода позже, но я это плохо помню – маленькой совсем была.

– Вопросы будут задавать мне, а не тебе! Что вообще происходит? Вы трахали ее тут по очереди? Ты ведь должен...

– Я ничего и никому не должен! – как взрыв, звучит ярость Бессонова, и я на инстинктах втягиваю голову.

– Ян, мне не нравится, что она... – продолжает верещать его подружка.

– Успокойся, а! Ее здесь не будет, разговор закрыт! – Мне почему-то становится больно от его слов. Да, я бы никогда больше не хотела быть гостьей Бессонова, но у меня против всех разумных доводов очень внезапно колет под сердцем. Всего раз, но... – Иди сюда.

Его тон меняется, как погода за окном: там уже вовсю си-

яет солнце, а Бессонов говорит почти нежно, как палач, ласково уговаривающий склонить под гильотиной голову. Я с замиранием сердца жду, что будет дальше, вслушиваюсь... и ничего. Почему я ничего не слышу? Что они делают? Они же не могут...

Моя буйная фантазия по щелчку включает контент для взрослых, который потрясает настолько, что мне становится нечем дышать. Я пячусь, натыкаюсь на ведро и с испугу переворачиваю его. Вода разливается по полу, мощным потоком стекает в люк, а я настолько теряюсь, что мечусь по чердаку, согнувшись едва ли не вдвое. Смотрю на слуховое окно с кривыми ручками, которым никогда не пользовалась, и уже через пару мгновений, приложив немного усилий, оказываюсь на крыше под слепым дождем. Сколько еще открытий припасено на сегодня?

Не отрывая руку от рамы, я удобно и более-менее безопасно усаживаюсь на скользкой черепице под небольшим уклоном так, чтобы не слететь вниз. Дождь по-прежнему моросит, но не беспокоит меня; отсюда открывается красивый вид на озеро и радугу над ним. Я стараюсь не думать о том, чем занимается Бессонов с подружкой и почему меня это вообще волнует. Он занимается *этим* регулярно лет с пятнадцати, наверное.

Ничего не будет. Не хочу, чтобы меня стошнило.

Я сглатываю горечь и пытаюсь убедить себя, что меня не задевают его слова. А чего я еще ждала? Проматываю в

мыслях поцелуй с Остроумовым, как нечто, что не получило определения в моей голове, и резко оборачиваюсь, когда слышу хлопок двери. Даже пошатываюсь и крепче цепляюсь за черепицу, пока наблюдаю, как Лазарева, психуя, пересекает лужайку и садится в такси, не взглянув назад.

Не хочу думать о том, что легкие, которые до этого сдавил спазм, раскрываются. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Не хочу, но улыбаюсь. Пугливо и украдкой, одними уголками губ, но улыбаюсь. Даже хмыкаю под нос, а боковым зрением цепляю движение рядом, и в моих жилах стынет кровь. Сердце ухает вниз, руки холодеют, желудок скручивает. Меня всю, от макушки до пяток, пробирает дрожь.

Бессонов здесь.

Я чуть поворачиваю голову, но тут же забываю, кто я и где нахожусь. Он, как всегда, без майки, одетый лишь в татуировки и серое трико, выглядывает наружу. А я разбиваюсь о его темный взгляд и иду ко дну, будто во сне.

– Ланская? – вторит он голосу в моей голове и поправляет толстую сигарету за ухом.

Боже, надеюсь, я все же свалилась с крыши и мне это просто чудится. Нет?

Он молчит. Я не смотрю в его сторону, а Бессонов молчит. Его тень почти касается моих ног, и я поджимаю пальцы в носках. Не хочу соприкасаться даже с его тенью.

Не хочу, чтобы меня стошнило.

С появлением Бессонова на крыше на меня накатывает

безграничная тоска. Он, как трехсотлетний вампир, выкачивает радость и счастье из всего живого. Над нами сгущаются черные тучи, темнеет. Интересно, он сразу выставил подружку или, как Шумахер, справился по-быстрому?

Бессонов садится рядом. Я вижу его руки, он вертит в них незажженную сигарету, и слово freedom, означающее свободу, виднеется на тыльной стороне кисти. Он тоже сгибает ноги и рукой обнимает колени, пальцами другой проводя по волосам. Я слышу его глубокий вздох и пугаюсь до чертиков.

– Только не говори, что это тоже твое место и мне нельзя здесь находиться, – опережая его, выпаливаю как на духу, вспомнив угрозы расправы в больнице.

Пульс бьет по ушам. Ладонки потеют, и я сильнее сжимаю пальцы. Поднимаю лицо к хмурому небу, подставляя его мелким каплям, и даже думать не хочу, как выгляжу сейчас. Бессонов видел меня уже всякой. Хуже не будет. Не будет ведь?

Я заправляю спутанные после сна пряди за уши и кривлюсь, потому что и без зеркала знаю, как некрасиво они распушились от влаги.

– Ты девственница? – швыряет мне в лицо вопрос, который опалает щеки красным.

Что?

– Ч-что? – давлюсь я в ответ и вскидываю глаза на Бессонова.

Тот ухмыляется. Выглядит расслабленным и довольным.

Ощупывает взглядом мое тело, все еще инстинктивно прокручивая между пальцами намокшую сигарету.

– Это простой вопрос. – Он пожимает плечами и отворачивается к озеру. – Если не хочешь уходить отсюда, развлекайся хотя бы.

Очень стараюсь не вспылить, но мои брови живут собственной жизнью, и я злобно хмурюсь.

– Так что, я, по-твоему, клоун?

Бессонов сдавленно смеется и кивает чему-то.

– Значит, девственница все-таки.

По его интонации можно подумать, что это нечто постыдное и глупое. Но я не вижу ничего зазорного в том, чтобы дожидаться подходящего парня, которому я смогу довериться. Пока я такого не встретила, даже несмотря на то, что у меня были отношения. Прошлым летом – со старшекурсником из нашего универа, который после выпуска вернулся в столицу. И до этого целых полгода с Петей, моим одноклассником, в которого, как неожиданно оказалось, была влюблена Вика. Та самая Вика Медведева, моя бывшая лучшая подруга. Она сообщила об этом, швырнув мне в лицо сумку с вещами для совместных ночевок, обитавшими у нее с пятого класса. Но как я должна была догадаться о ее великой любви, если она всегда твердила, что он отморозок и тупой валенок?

Ни с Петей, ни со старшекурсником у нас дальше поцелуев не зашло. И я не жалею. Я не чувствовала, что это было бы правильным. И не вижу смысла спорить или разговаривать с

Бессоновым, мысли которого без пароля не вскроешь.

– Не понимаю, при чем здесь моя девственность и почему мы должны ее обсуждать.

– А что нам тогда обсуждать? – *Ничего.* – Погоду? – *Это вряд ли.* – Как Савва отымел тебя языком в рот? – *Точно нет.* – Или как ты подслушивала нас с Софой? – Я слишком резко перевожу на него взгляд, чем, по всей видимости, выдаю себя с головой. – Ты затопила мне потолок.

Его темные глаза примагничивают меня к себе. Я борюсь, как во сне, где не можешь кричать и не в силах проснуться. Я борюсь, но все равно смотрю.

– Я не подслушивала, – тихо, с надрывом. Это все, на что мне хватает сил.

Я ведь и правда наткнулась на них случайно. И уйти постаралась, как только... Ну да, я подслушала часть разговора, но кто в этом признается?

– Конечно, – кивает он. – Если бы я знал, что тебе так нравится подслушивать, не включал бы музыку громко. Глядишь, уже бы научилась чему-нибудь да рассталась с невинностью.

– Тебя так беспокоит моя невинность?

– Меня беспокоит твой отец.

Хлестко. Это прилетает, будто раскрытой ладонью по лицу. Со звоном. Я замолкаю, потому что... ну а что я еще скажу? Тру лоб, скользнув взглядом вниз по его телу и задержавшись на боку, где нахожу новую татуировку, которой

раньше не видела. Independence¹⁰. Я ухмыляюсь сама себе и ищу ту грань, которую бы не пересечь, чтобы меня не скинули с крыши.

– Не понимаю, чем тебе не угодила погода или язык Остроумова. – Я говорю это с серьезным видом, затем следует пауза, и внезапно я слышу смешок. Отрывистый, не очень веселый и неуместный, но... да, это он.

Жутко странно. Если неожиданно потерять память и забыть, кто мы друг другу и какой тоскливый ужас нас объединяет, можно назвать эти посиделки... дружескими?

– Черепица протекает, нужно вызвать работников, –ковыряя пальцами кровлю, произносит он между прочим.

– Да, я говорила... – *Отцу*. Я осекаюсь и еще раз киваю, соглашаясь с Бессоновым. – Вызовем, июнь обещает быть дождливым.

Это и правда очень странный разговор, со спрятанными в чехлы ружьями, которые мы в любой момент готовы достать и направить друг на друга.

– Можешь рассказать свою эту хрень про коров, – вдруг выдает он.

– Коров?

О чем он вообще?

– Быки, коровы...

– О, ты про корриду. Я люблю историю Испании, – за чем-то признаюсь я. – «Можешь рассказать», – произношу

¹⁰ Независимость (англ.).

наигранно грубым голосом. – Спасибо, что разрешил.

Висок жжет, но я делаю вид, что мне все равно. Я чувствую себя смелее, хоть и понимаю, как опасно доверять этому чувству.

– Само название страны означает «берег кроликов»: их там раньше было довольно много.

– Скука смертная, – бурчит Ян.

– Что-то друзьям твоим я вчера не казалась такой уж скучной. – Слишком разгоняюсь, чтобы притормозить. Бессонов меня бесит своим высокомерием.

– Может, потому что они хотели трахнуть тебя разок-другой, – стреляет на поражение словами, а не дробью. – Хотя они бы точно заскучали на второй раз. Или даже в процессе первого, если б ты лежала, как бревно.

«Ты отвратительный», – думаю я.

– Ты слишком много думаешь о том, какая я в постели, – говорю вслух. И попадаю точно в цель, потому что Бессонов мечет в меня взглядом, словно молнией. Он раздувает ноздри и поджигает губы. Все его лицо выражает брезгливость, будто он наступил ботинком в кучу, а я ему тут задвигаю, что это все неспроста.

Я напрягаюсь вместе с ним, потому что вижу, как его предплечья изрезают вздутые вены от сжатых кулаков. Его грудь резко вздымается вверх, четко выступает пресс. Боги, и зачем я вообще туда смотрю? Отвернись! Отвернись, быстрее!

– Если я еще раз увижу его в таком состоянии, то доложу. Догадываться, о ком речь, мне, конечно же, не приходится. Холодом веет, и черепица между нами словно покрывается невидимым инеем. По позвоночнику бегут колючие мурашки, мелкие волоски на руках встают дыбом.

– Да пошел ты! – Меня подкидывает, точно взрывной волной, и я яростно выплевываю это ему в лицо. Тотчас же оступаюсь, и правая нога начинает съезжать вниз.

Я уже вижу все наперед: соскользнувшее с крыши тело, свободное падение и жесткий БАМ об асфальт. Я даже не успею закричать. Интересно, что увижу вместо «вся жизнь проносится перед глазами»? Потому что я не верю в эту попсу. Папу? Наташу? Или...

Проходит секунда, две, но я не разбиваюсь. Потому что *он* ловит меня. Он ловит меня в кольцо рук, больше похожее на тиски, и прижимается горячим, как раскаленная сковорода, телом. На мне точно останутся ожоги. Даже через хлопковую ткань пижамы.

Он меня держит, а я не в силах коснуться его – так и замираю, не донеся ладони до его плеч, в жалких сантиметрах от power рукописным шрифтом. Шевелю пальцами, будто воображая, каково это. Чувствую жар и впиваюсь ногтями в свои руки, оставляя полукруглые следы на коже.

Ян дышит неровно. Я слышу, как в мою грудь бьется его сердце, – так близко мы стоим друг к другу, и на каждом выдохе мы сталкиваемся снова и снова. Это длится

целую вечность. Так долго, что меня посещают видения, в которых Бессонов вдыхает запах в изгибе моей шеи и почти невесомо двигает большим пальцем, поглаживая мне спину. И не отпускает. Почему он меня не отпускает?

Но как раз с этой мыслью, он, покачнувшись, будто у него кружится голова, делает шаг назад. Не смотрит. Убирает за ухо измученную, как мои нервы, сигарету, а затем проходит к слуховому окну и почти сразу ныряет в него, задержавшись в проеме, чтобы сказать мне напоследок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.